

Николай Щербаков

СЕВЕРНАЯ ВЕДЬМА

Книга первая. Потомок

Николай Щербаков

**Северная ведьма.
Книга первая. Потомок**

«Издательские решения»

Щербаков Н.

Северная ведьма. Книга первая. Потомок / Н. Щербаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831534-3

Роман о людях, море, о большой стране, о том, что эта страна пережила,
и о тех силах, незримо направляющих нас на пути к предначертанному.

ISBN 978-5-44-831534-3

© Щербаков Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. А как встречают пароходы?	7
Глава вторая. Что такое «шайба» и «шартрез»?	16
Глава третья. Ночной гость	22
Глава четвертая. Исход	29
Глава пятая. Сергей Корольков – потомственный рыбак	32
Глава шестая. Серёгино счастье	37
Глава седьмая. Этот день пришёл	41
Глава восьмая. Карьерный рост	44
Глава девятая. Домашние хлопоты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Северная ведьма

Книга первая. Потомок

Николай Щербаков

© Николай Щербаков, 2016

ISBN 978-5-4483-1534-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моряку двадцать лет. По штатному расписанию он штурман на БМРТ, большом морозильном рыболовном траулере, возвращающемся в заполярный порт Мурманск из далекой Южной Атлантики после полугодового рейса. Его траулер поднимал много-тонные тралы с рыбой, в любую погоду, на другой стороне земного шара, в морях, в которые ещё недавно, в школе, он неуверенно тыкал указкой на географической карте. А сейчас он прошёл экватор и тропики, шторма и штили, холодные туманы у Британских берегов и снежные заряды Баренцева моря. И наконец, справа, на белой полосе сопки норвежского берега помигал ему маяк самой северной точки Европы Нордкап, а капитан провел остроотточенным карандашом последнюю линию курса, упершуюся в береговую черту со знакомыми очертаниями.

Выйди, моряк, на крыло мостика. У тебя молодые глаза и ты без бинокля видишь впереди на горизонте полосу земли. Легендарный полуостров Рыбачий. Это родная земля. Ты уходил от неё на полгода. Девчонки, вы его не забыли? Он вернулся! В заснеженный Мурманск, с тропическим загаром и морем впечатлений.

Знаешь ли ты, парень, что еще ждет тебя в этой жизни? Куда еще забросит тебя непредсказуемая ветреница судьба. Нелегкая, но заманчиво привлекательная, как любимая женщина, судьба моряка. Так вперед! Без страха и сомнений, с верой в свои силы и способности, с уверенностью, что ты родился не даром на этой планете с её бескрайними морями и океанами, россыпями сказочно красивых островов, берегами континентов отороченных кружевами пенистого прибоя.

Книга эта посвящается вам, выпускники мореходок шестидесятых годов, теперь уже прошлого столетия. Так начинали вы свою морскую жизнь. И стали профессиональными моряками. «Были» не произносится. Вы шли по жизни через десятилетия, изменяющие лицо страны, не меняясь сами. Закаленные морем, вы сохраняли верность принципам товарищества, подхваченные ветрами свободы и романтики шестидесятых годов, вы пронесли этот дух через всю свою жизнь.

Речь здесь о вас, друзья моей юности.

Глава первая. А как встречают пароходы?

Как провожают пароходы?

Совсем не так, как поезда...

Песня

Над Мурманским рыбным портом полярная ночь в морозном, перламутровом снегопаде. В тишине, изредка нарушаемой скрипом работающих портовых кранов и свистками буксиров, разносится с мембранным посвистом ленивый голос портового диспетчера по громкой связи:

– Александр Матросов, Александр Матросов, отойди от Зои Космодемьянской.

И через некоторое время, раздражённо:

– На буксире! Вы меня поняли? Отойдите от базы и идите к девятому причалу.

На крыло мостика, стоящего у девятого причала большого морозильного рыболовного траулера «Муром», пришедшего вчера из полугодичного рейса выскочил молоденький, белокурый парень в свитере, без головного убора и, засунув руки в карманы, приплясывая на месте, замурлыкал себе под нос «ой, мороз, мороз, не морозь меня». Выслушав диспетчера, хмыкнул и, повернувшись внутрь рубки, крикнул кому-то:

– Слышь, Серёга, я вот думаю, кого только Матросов по порту не гонял и к причалам не прижимал, а?

Серёга выходит на крыло, закрывает дверь в рубку и ворчит:

– Чего дверь открытой бросаешь? Тропики тебе, что ли?

Серёга, третий помощник капитана, заступивший на береговую суточную вахту. Он тепло одет. Вахтенный белый полушубок, шапка военно-морского образца, чёрного каракуля, но с гражданским крабом, брюки наглаженные, ботинки тёплые. Отпущенная за долгий рейс аккуратно подстриженная борода. Красавец! А позвавший его парень четвертый помощник капитана Виктор Мороз. У парня первый самостоятельный рейс после мореходки. Откуда солидность. Вот настроение – блеск!

– Да ладно тебе, командир. Ты лучше представь. Заходит к нам в порт какая-нибудь Куин Мери, да?

Виктор расставляет в стороны руки с растопыренными пальцами и, приседая, паясничая, идёт на Сергея.

– И тут команда на весь порт. А ну-ка, Саня Матросов, прижми-ка мерину корму к причалу!

Сам хохочет, Серёга, улыбаясь, осуждающе качает головой. Из рубки выглядывает вахтенный матрос.

– Сергей Михалыч, там по «акации» из диспетчерской вас вызывают. Говорят, к нам буксир направили. На какой-то причал перешвартовка. На какой – не разобрал. Боцмана вызывать?

– Подожди, я сам разберусь. Что ты вечно вперёд батьки лезешь? Пошли в рубку, Витёк, а то отморозишь всё. А за проходной вон девки в очередь стоят, тебя ждут. Все глазоньки проглядели.

Моряки заходят в рубку. Здесь тепло. Но непривычно грязно, натоптано. В рейсе, на переходе, да и на промысле чистота идеальная была, вахтенным матросам спуску не давалось. А вот день всего в порту и всё запустили, суета, всем некогда. Сергей идёт к трубке коротковолновой радиостанции, а по пути, поддав коленом вахтенного матроса, такого же молодого пацана, как и сами штурмана, беззлобно говорит:

– А ну-ка, инициативный ты наш, швабру в руки и чтобы через десять минут всё блестело. На перешвартовку пойдёшь на палубу концы тягать. Всё, кончили перекур с дремотой. А то в порт зашли и распустились. Одни бля начальники.

– Ага, меня тоже один такой начальник в рейсе пытался даже учить, как секстаном пользоваться, – поддакнул Виктор, – я, говорит, на военке помогал штурманам. А я ему, вы, говорю, со своими командирами на военке от берега на милю не отходили. Весь срок на бочке просто-яли. А секстаном орехи кололи. Ты, говорю открытый океан только сейчас и увидел, а туда же – секста-ан.

Пока вахтенный штурман связывался по рации со службой капитана порта, Виктор устроился на привычное за долгий рейс место в рубке – между корпусом локатора и иллюминатором.

– Слышь, Серёга, ты про девок там что-то трепался. Так я тебе отвечу. Я ещё в рейсе решил. Прихожу в порт, никаких девок. Точка. Возьму отгулы и в Ростов. Мне подруга ещё в начале рейса писала. Мол, если серьёзно настроен, то приезжай, женись и я твоя. И поеду, писала, за тобой хоть в Мурманск, хоть на край света. Так что нет мне никакого смысла здесь с девками затеваться. Правильно?

– Это какая такая подруга? Как её, Тамара, что ли? Это её фотка у тебя над койкой?

Сергей положил трубку и подошёл к Виктору.

– Вроде ничего, красивая. Но моя лучше. И заметь, законная.

Он растянул слово «законная» и покрутил пальцем под носом приятеля.

– Моряки серьёзные дела на после рейса не откладывают. И я это сразу после окончания мореходки официально оформил. Сечёшь? И у меня в кармане сразу и распределение, и свидетельство о браке лежало.

– Ага, и короедов вы с молодой женой сразу после мореходки и потом перед каждым рейсом строгать начали. Сколько их у тебя? Я видел, она тебя, как будто, с одним встречала. Пацан?

– Сам ты пацан. А он боцман. У него, когда спрашивают, как тебя звать, он отвечает – боцман.

Сергей ушёл в штурманскую рубку, и слышно было, как он закрутил колесо городского телефона.

– Витя, – крикнул он оттуда, – я звоню кэпу домой, он наверно ещё не вышел. Доложу насчёт перешвартовки, а ты смотри. Если решил идти в город, то давай, пока трап не убрали.

– Да ты чего, Серега? Ночь на дворе. Куда ты меня в такую рань гонишь? Не-ет, я, пожалуй, до обеда на борту останусь, пойду, вздремну ещё. А потом мотану на почтампт, на междугородку, закажу разговор с Ростовом. В «Арктику» загляну, поужинаю с рюмашечкой. Может кого знакомых встречу. К утру буду свеженький, не волнуйся. Сменю, как положено.

Виктор потянулся, хрустнул пальцами и прижался носом к стеклу иллюминатора. И совсем по детски вздохнув, с восторгом сказал:

– Красота какая! – и помолчав, – ты знаешь, вот как вошли в Северное море, открылись норвежские берега, у меня с того момента эта красота перед глазами стоит. Вы, северяне при-выкли. А я такой красоты в жизни не видел. Я вообще не думал, что в море ночью так красиво может быть. На юге ведь ночи чёрные. Тьма-тьмушая. А здесь море свинцовое, а берега, сопки белые, как сахар и такие таинственные. Особенно если одинокий огонёк в сопках. Ты представляешь? Там ведь люди живут. Представляешь? Я смотрел на эти огоньки и думал – живёт там молодой парень, моряк или смотритель маяка. Крепкий такой, с бородкой. И с ним его подруга. Шикарная блондинка. Только не фифочка там какая, а такая! – прижал сжатые кулаки к стеклу иллюминатора, – и преданная ему. И на мили никого вокруг. Вот двое их – и никого вокруг. А они друг для друга. Вот это жизнь, это я понимаю любовь. А над ними полярное сияние. Слышь, Серёга, ты слышал, как оно шуршит?

Виктор повернулся, увидел, что Сергей его не слушает, разговаривает по телефону. Махнул рукой и опять прижался носом к иллюминатору. За стеклом действительно сверкала в лучах портовых прожекторов роскошная зимняя, полярная ночь. За ярким портовым светом противоположный берег Кольского залива едва угадывался серыми пятнами сопки с огоньками «Трёх ручьёв» и стоящих на рейде судов. Сам порт, в глазах молодого моряка, был, как совершенная декорация к зимней сказке. Из-за долгих морозных туманов все портовые строения, стоявшие у причалов суда, и даже грузовые краны покрылись пушистыми шубами инея. Мачты и снасти судов превратились в толстые, белые и такие же пушистые гирлянды. И среди этого сверкающего серебра золотые пятна прожекторов, искрящиеся не проходящим тихим снегопадом.

– Ну, что Серёга, доложилась? Доверяет тебе кэп перешвартовку? Или ждать его будешь?

Вахтенный вышел из штурманской, потёр руки и шутливо придавил Виктора корпусом локатора, стоящего на гибкой ноге к иллюминатору.

– Завидуешь? Жена сказала, что он уже едет. Хотя, я думаю, он бы мне разрешил самому швартоваться. Он мне ещё с прошлого рейса доверяет маневрировать. Мы, понимаешь, на рейде стояли. А к нему какое-то начальство или друзья пришли. Ну и они там, – щёлкнул по горлу пальцем, – а тут добро на причал дали. Я и проявил инициативу. Порулил.

Виктор повернулся, недоверчиво глянул на приятеля.

– И что, ты сам швартовался? Он и на мостик не зашёл?

– Ну почему? Он всю перешвартовку простоял вон там, на твоём месте. Качался и кивал. Кивал и качался. Я же знал, что он всё видит, всё понимает, – и назидательным тоном добавил, – швартовка это, брат, расчёт и абсолютное знание маневра своего судна. Сечёшь?

Сергей ещё раз прижал локатором Виктора.

– Ну, что, паря? Уходишь? Или остаёшься? А то постой, ходы записывать. Гроссмейстер играть будет.

– Та пошёл ты!

Виктор вылез из-за локатора. А Сергей защёлкал рычажками громкой судовой связи.

– Боцман, команду на перешвартовку. Распредели матросов на корму и на бак. Как буксир подойдёт, убирайте трап. Команда, кто собирается в город – поторопитесь. Перешвартовка будет долгой и на дальние причалы. Так что прошу покинуть борт.

Виктор направился к двери. Можно было пойти ещё вздремнуть до обеда. Ночь выдалась хлопотная, почти не спал. Но уходить из этой красоты не хотелось.

– Слышь, командир. Давай помогу, что ли? Я пойду на корму, а боцмана посылай на бак. И руководи нами на здоровье.

– А что? Давай, – и уже уходящему Виктору вслед, – ты, как буксир подойдёт, продольный сразу выбирай, а на шпринге отваливать будем в натяг. А как скажу, так и шпринг выберешь.

– Ох, Серёга, тебе покомандовать, что медку лизнуть.

Виктор бурчал себе под нос, уже спускаясь по трапу на рабочую палубу. Надо было ещё зайти к себе в каюту, переодеться. Когда оделся и вышел на корму, буксир подваливал к борту. Несколько раз свистнув, он толкнулся в борт траулера и с него закричали:

– Эй, моряки, прими чалку!

Началась обычная швартовая работа. Из рубки командовали успевший подъехать капитан и Сергей, а на палубе с командой матросов управлялись Виктор с боцманом. Работали слаженно, понимали друг друга с полуслова. Отвалили и через рейд пошли к дальним причалам. На подходе выяснилось, что место у причала для них ещё не освободили. Буксир побурлил, поработал передним, задним ходом, загасил инерцию траулера и оба застыли в ожидании. Виктор вместе с матросами таскал швартовые концы, тяжёлые, заледенелые канаты, тянул, травил, крепил. Когда все закурили, вдруг вспомнил, что голос с буксира показался ему знакомым. Перегнувшись через планширь, попытался заглянуть в рубку буксира. Но что там увидишь,

через замёрзшие стёкла. Закурил и, стоя у борта, засмотрелся на противоположный берег залива. Сопки отсюда были ближе, снег белее, огоньки ярче. Там, за окнами с этими огоньками была чья-то жизнь, уют. То, от чего отвык за пол года плавания, и к чему тянуло обострённо, по детски, до кома в горле. Подумал – всё, хватит. Сейчас же иду на переговорный, заказываю разговор с Тamarой и говорю твёрдо, решительно, чтобы у неё никаких уже сомнений...

– Эй, загранка, угостил бы, что ли? Чую табачок ароматный, ненашенский.

Виктор глянул вниз за борт. Прямо под ним, на палубе буксира стояла живописная фигура в овчинной шубе до пят. Из конуса поднятого воротника торчала голова с тенью на глазах от громадного козырька моднейшей мичманки. И мичманка была ростовская. И не просто ростовская – Петина мичманка. Потому, что шил такие мичманки, морские фуражки, мастер Петя. Просто Петя. Это была и фамилия и имя и кличка этого человека. Выпускники двух ростовских мореходок и речного училища развозили по всему свету его «мицы». Шил он отлично. Строго следил за модой. От образцов начала шестидесятых с невысокой тульей, широкими полями и маленьким козырьком он быстро перестроился на «международную», с громадным козырьком и мятыми полями, стоило первым его заказчикам привести из заграники подобный образец. И здесь сомнений быть не могло, под этим козырьком был ростовчанин.

– Эй, Ростов-папа! Что-то не узнаю?

– О-о-о. Вот кто из заграники к нам пришёл, – странно удивилась мичманка. И помолчав, – а ты, я так понимаю, Виля?

– Не по-о-онял? – затанул Виктор, предвкушая радость встречи с однокашником. Вилей его могли звать только особы приближённые.

Джонами, Бобами, Максами, вот он – Вилли, они, молодые курсанты стали, отдав дань выбранной романтической профессии. К выпуску у многих это потеряло актуальность, у Виктора осталось, даже закрепилось – Виля. Толи от лёгкости произношения, толи от близости к родному имени. Было ещё во внешности Виктора что-то не совсем славянское. Правильное овальное, чуть удлинённое лицо с голубыми глазами и копна жёлтых волос с постоянно выгоравшими белыми прядями. И ещё, бросались в глаза не белые, но светлые, длинные и пушистые ресницы, светлые брови. Вилли, одним словом. Ладно, но кто же это? И голос, теперь уже точно, знакомый. Здорово. Но стоявшая внизу фигура странно замолчала, а Виктор никак не мог рассмотреть лицо под козырьком. А тут ещё, налетевший за минуту до этого снежный заряд превратил всё вокруг в белую кашу. Ни хрена не видно.

– Ну, выйди же на свет, что ли? – Виктор от нетерпения перегнулся через борт.

В это время сонный диспетчер по громкой портовой связи опять забубнил, что мол, причал для них освободили и нечего им на рейде болтаться. Видимость скверная, а у вас, мол, маневренности кот наплакал. Того и гляди, устроите столкновение судов. Давайте к причалу и не держите буксир.

– Ладно, мореман, у причала поговорим.

Фигура в шубе повернулась и ушла к себе в рубку.

– Не по-о-онял? – уже второй раз изумился Виктор, – кто же это у нас такой загадочный. Стало просто не ловко. Рядом во время разговора стояли занятые во время швартовки матросы.

– Что, знакомый? – поинтересовался пожилой матрос, тоже облокотившийся на планширь и рассматривавший буксир.

– Да вот, получается, что знакомый. Ничего не понимаю.

Виктор смущенно крутил в руках пачку сигарет, приготовленную, чтобы передать на буксир.

– Наш ведь, ростовский, и голос знакомый и вообще..., – он не стал распространяться насчёт мичманки.

– Да как бы вы его узнали, падлу? Ведь он от вас глаза прятал. Я ведь всё видел, – вмешался в разговор молодой матрос Костик, после армии оставшийся на севере, по его заверениям навсегда.

– А ну, вспомните, – продолжал Костик, – кому на прошлой стоянке башли занимали? Я же сразу это засёк. Он же у вас закурить попросил? – сделал многозначительную паузу, – а как вас рассекретил, так сразу шасть в рубку. Мурый у вас дружёк. Я таких сразу засекаю.

– О-о-о, – Виктор махнул рукой на парня, – перемудрил ты, паря. А для того чтобы занимать, иметь это что-то надо. Хохмит кто-то. Ладно, по местам, мужики. Я сам разберусь.

С мостика уже слышались переговоры капитана с буксиром и диспетчерской. Вахтенный дал команду на швартовку. Виктор снова остался на палубе, изредка поглядывая на толкавший их буксир. А буксир пытел, посвистывал. Из его рубки был слышен голос. И вдруг Виктор вспомнил этот, чуть картавый голос. Игорь Саенко! Вот это кто! Выпускник их мореходки, на два курса старше его, личность на факультете заметная. Был Игорь кларнетистом в училищном оркестре, был франтом. Морскую форму умудрялся перешивать и носить так, что выглядел шикарно, а строевому начальству придаться было не к чему. Ему пытались подражать – получалось не у многих. Вот этот франт и командовал сейчас буксиром «Александр Матросов» в рыбном порту заполярного города Мурманска.

А между собой их свела некрасивая история. Обычная для их возраста, но не красивая. Девчонку не поделили. Виктор тогда первый раз привёл Тамару в училище на танцы. А Тамара девчонка видная. Многие курсанты с неё глаз не сводили. Виктор от неё не отходил. С одной стороны гордился, что при нём такая красавица, а с другой опасался – уведут ведь. Познакомились они недавно, ещё плохо друг друга знали. И надо же. Стоило отойти покурить, возвращается, а она со старшекурсником танцует. Танец кончился, а партнёр её не отпускает. Прямо вот руками держит и что-то ей, видно, интересное рассказывает. А чего не рассказывать, если «старик» уже годичную практику прошёл, за границей был. Если язык подвешен, то заморочить девчонке голову есть чем. Начинается новый танец, и они снова пошли танцевать. Виктор в панике. На «гражданке» он бы сейчас быстро организовал вывод неприятеля в тёмный угол для выяснения правил поведения. И там уж чьи «правила» бы оказались сильнее, тот и прав. А здесь, в мореходном училище свой неписанный кодекс чести. Из-за девчонки моряки будут выяснять отношения? Или того хуже – драться? Да абсурд. И когда они пошли танцевать в третий раз, Виктор не выдержал и подошёл к ним. Лучше бы не подходил. Ему и сейчас вспоминать тяжело этот позор. На него удивленно смотрели оба. А когда Витя промямлил, что, мол, это он привёл девушку и нехорошо не учитывать этого, «старик» спокойно передал ему девушку. Мол, пожалуйста, потанцуй, но, многозначительно улыбнулся Тамаре и заметил, что они не договорили. И какие после этого танцы? Какое настроение? Виктор тогда стал делать независимый вид, мол, его это особенно не тронуло. Даже пригласил на танец другую девушку. А Тамара исчезла. И ушла она с танцев одна или с провожатым, Виктор и сейчас не знает. «Старик», а это был Игорь Саенко, после этого случая не общался с Виктором, только иронично подмигивал ему при встрече. Это был последний год учёбы Игоря, скоро он защитился и уехал по месту распределения. А у Виктора с Тамарой закрутился, закружился жаркий роман, в котором были и не значительные ссоры и стремительные перемирия, после которых Виктор несколько дней прокрадывался под утро в «экипаж» и на занятиях не редко засыпал. Перед окончанием училища заговорили о свадьбе, и Виктор на выходные дни отправился в родной городок к родителям, посоветоваться. Вернулся и твердо, рассудительно сообщил Тамаре, что правильно будет поступить так, как он сейчас скажет. А сказал он, что им надо, во первых, проверить свои чувства, во вторых ему надо подзаработать денег на свадьбу. Сидели они с Тамарой в скверике рядом с училищем. Тамара тогда отстранилась и долго внимательно глядела ему в глаза. Такой серьёзной он её ещё не видел.

– Я от тебя такой рассудительности не ожидала. Не замечалось за тобой такого. И я, не будь этого разговора, поехала бы за тобой, и не расписавшись. Но раз уж тебе ещё надо наши чувства проверять, то, что же, давай, проверим.

И когда провожала Виктора, всплакнула у вагона. Обняла и долго не отпускала, пока вагон не тронулся. А когда уже шла за уходящим вагоном по перрону, странные слова сказала.

– Виля, а чьи ты чувства проверять хотел, свои или мои?

– Да брось ты, – ответил Виктор, – пошутил я.

– А я не шучу.

Тамара, остановилась и, отвернувшись, тихо пошла в вокзал. С тяжёлым сердцем тогда уехал он.

Ещё до того, как закрепили последние швартовы и спустили трап на причал, закончился снежный заряд, и всё вокруг вновь засверкало в лучах прожекторов. И будто стало светлее и торжественнее. Рабочий день начинался, и по причалам затопали засыпанные пушистым снегом фигуры. Люди проходили мимо, оживлено разговаривали между собой, иногда задирали голову и смотрели на высокий борт «Мурома». Порт жил своей морской жизнью. Все, всё знали. И не только о том, кто пришёл из рейса и кто уходит, но и что на промыслах делается. И о том, что вот этот БМРТ вчера пришёл из южной Атлантики, не для кого секретом не было.

И Виктору казалось, что все эти люди, проходившие мимо их борта должны знать, что вот он, молодой, симпатичный штурман, полгода бороздивший дальние моря и пришедший к ним с другой стороны земного шарика очень рад их всех видеть. И неплохо было бы сейчас, сойдя на берег, через каждые несколько метров встречать родных и близких и просто знакомых. И чтобы все они, если и не бросались к нему с объятиями, то, во всяком случае, приветствовали его, расспрашивали и вообще демонстрировали бы, что очень даже заметили его, Виктора, долгое отсутствие на родной земле. На какое-то время он забыл об Игоре. И уже стоя на причале у спущенного трапа, разговаривая с уходящими в город моряками, вспомнил о случившемся. Стал искать глазами буксир. Спросил одного, другого. Ему сказали, что буксир там, дальше, через пару корпусов стоит у этого же причала. С удовольствием, скользя по ледяным, занесенным пушистым снегом причальным брусьям Виктор быстрым шагом, почти бегом, поспешил в ту сторону. Работяга буксир в любую минуту мог уйти. Так и случилось. Буксир уже отваливал от причала, когда Виктор подбежал к тому месту, где он стоял. А тот, кто был ему нужен, шёл по берегу ему навстречу. Уже не в тулупе, а в тёплой на меху куртке с капюшоном и в той самой «Петиной» мичманке с большим плетёным крабом. Виктор остановился. Растерялся. Не знал, как приветствовать первого, встреченного им на твёрдой земле знакомого человека. Стоял, чуть расставив руки, и улыбался. А тот вдруг отколол совсем уж странное коленце. Не остановился, а, проходя мимо, хлопнул его по отставленной руке своей, в тёплой кожаной перчатке и, как будто и не было у них встречи на рейде, громко сказал:

– С приходом, мореман! Ну, как там мулаточки, негритяночки?

А уж пройдя несколько шагов, оглянулся и махнул рукой, как будто честь отдал – будь здоров! Вот тебе на! С горечью пришлось признать, что не все в восторге от встречи с моряком, вернувшимся к родным берегам. Люди жили, живут и заняты только своими житейскими делами. Подступило недавно пережитое чувство одиночества.

Это было в часы прихода его БМРТ в порт. Уже с рейда была видна толпа встречающих на причале. И из ста человек экипажа не встречали, как ему тогда показалось, его одного. А на причале собрались родные и друзья, официальные лица и просто работавшие в это время в порту люди. Так уж повелось, что и проводы и встречи судов, это статья особая, особый ритуал портовых городов. И как часты бы они не были, это всегда событие. Для родных и близких, встречающих моряка и для самого моряка истосковавшегося и по родным и по берегу. Ведь, пожалуй, только моряки и их жены и подруги, для которых расставание на долгие сроки

это не эпизодическое явление, а сама жизнь, знают, что такое встреча. В эти встречи бывают по-особому мягкими губы и горячими тела подруг. Бесстыдными глаза и жадными руки. Виктору пока ещё не суждено было испытать такого в этот приход. Но отсутствие полноценной встречи с берегом он почувствовал. Это ощущалось во всем происходящим вокруг него. Весь экипаж, бывший во время рейса чем-то единым, почти семьёй, за сутки, двое до прихода в порт начал распадаться. Начались сборы. Стирали, гладили, стриглись, брились и подравнивали отпущенные за рейс красавицы бороды. Продержаться они, эти бороды день-два, только чтобы показаться, покрасоваться, а потом сбреют их до следующего рейса. Каждый был занят только собой. Отделившись от экипажа, все стали вновь частицами тех семей, которые ждали их на берегу. И если для Виктора этот приход был возвращением на «берег», на Родину, то для большинства это была сугубо личная встреча с любимыми и родными. И как только закончилась долгая, нудная, неизбежная возня с пограничниками и таможней, люди просто бросились навстречу друг другу. Трап был узок для общения. На нем столкнулись одни, рвущиеся на берег, и наиболее нетерпеливые встречающие, кинувшиеся на корабль. И был разрушен свойственный морской жизни размеренный судовой порядок. Всё вокруг Виктора напоминало скорее вокзал, наполненный встречающими и приезжающими. Одни помещения и каюты опустели, покинутые ушедшими на берег жильцами, другие наполнились незнакомыми людьми, смеющимися, громко разговаривающими. И Виктор, возбужденный приходом в порт, вдруг был оглушен странным состоянием неучастия. Оказался у себя на родном пароходе лишним, без определенной роли человеком. Он не был задействован на вахте и никому не нужен на этом празднике встреч. Друг, радионавигатор, поняв состояние Виктора, затащил его в свою каюту, где пришедшие встречать его жена и друзья открыли шампанское и, рассеявшись с трудом в тесной каюте, спешили рассказать друг другу о событиях, произошедших за время разлуки. Виктор, зажатый на диване двумя крупными мужиками, залпом выпил граненый стакан шампанского, закашлялся, выбрался в коридор и уже не вернулся. Ушел, закрылся у себя в каюте, улегся, не раздеваясь, на своём маленьком диванчике и, под шум топающих за дверью, громко разговаривающих незнакомых людей, заснул.

Под каблуками уходящего Игоря скрипел снег. Виктор повернулся и пошёл следом за ним, потому как возвращаться к себе на судно было всё равно в эту сторону. Шёл в нескольких шагах сзади. Сказать, что Виктор расстроился, значит, ничего не сказать. Аж к горлу подкатило. Поставил себя в такое дурацкое положение. Стоило бежать к этому фраеру? А с другой стороны, тот ведь сказал, что они о чём-то поговорят на берегу, нашёл себе оправдание.

– Слушай, Игорь, погоди.

По тому, как тот повернулся и остановился, стало ясно, что спиной он ждал этих слов. Тем более его по имени назвали.

– Ты же закурить хотел? У меня «Кемэл», – протянул пачку, подойдя к Игорю, – бери, у меня ещё блок на пароходе есть.

– Не надо мне твоего кемэла, свои не хуже.

И Игорь, почему-то суетливо стал стаскивать с рук перчатки и доставать из кармана свои сигареты. Достал пачку болгарских БТ и тоже протянул Виктору.

– На, угощайся.

И стоят, друг другу пачки протягивают. Дурацкая, прямо скажем, ситуация. Оба это почувствовали. Игорь хмыкнул. А Виктора прорвало.

– Игорь, ты что, не понимаешь? Я ведь полгода на берегу не был. И ты первый знакомый человек, да ещё и ростовчанин. Я как мицу Петину увидел, чуть не прослезился.

– А чтож ты у нас такой чувствительный? Прямо чуть не прослезился?

– Ну..., слушай, – ухватил Игоря за рукав, – пошли ко мне на пароход заглянем. Я спиртику раздобуду. За встречу, – ткнул пальцем за воротник, – вспомним Ростов, мореходку.

Виктор почти умоляюще заглядывал в глаза Игорю. А тот, не освобождая свою руку, натягивал перчатки и разглядывал Виктора.

– Виля, значит? Это что же, Вильям, Вильгельм?

– Вилли.

– Надо же. А вообще то ты и правда на фашиста похож. Я недавно хронику военную смотрел. Там подводников немецких показывали. Как они наши конвои здесь, в северных морях топили. Чем-то ты мне этих молодцев напоминаешь. А? Фотографии у вас похожи.

Виктор отпустил руку Игоря.

– Ладно, пошли, чего стоять, – и они пошли рядом по причалу, – чего тебе моя фотография не нравится?

– Да почему не нравится? Блондин, как блондин. Белокурая бестия, – хохотнул и хлопнул по спине Виктора.

Виктор передёрнул плечами, замедлил шаг. Всё это начинало ему не нравится.

– Я не пойму. Что-то ты не договариваешь. Мы ещё на рейде толкались, я это почувствовал. Ты что, забыть не можешь? Я тебе что, дорогу перебежал? Если так, пожалуйста, я тебя не уговариваю, не пойдём ко мне. Будь здоров.

Они окончательно остановились у трапа парохода Виктора. Саенко молчал. И Виктору даже показалось, что в его взгляде появилась растерянность, нерешительность. Но Игорь хлопнул перед собой перчатками и, как бы решившись, сказал:

– Ну, хорош. Есть у меня к тебе разговор. Или у тебя ко мне. Я даже и не знаю. Как сложится.

Виктор вытаращил на него глаза. О чём он?

– Ну, чего ты удивляешься? Сам же хотел поговорить. А разговор нам с тобой действительно необходим. Только не охи-ахи по поводу твоего прихода. Мужской разговор.

У Виктора вдруг от макушки до пяток пробежала волна мурашек, как будто волосы зашевелились. У него так бывало. Ещё с детства. Когда чего-то неожиданно пугался. А сейчас ведь его никто не пугал. Что страшного было в том, что сказал или мог сказать ему этот Игорь. Да и Виктор давно уже был не детского возраста, не пугливый. Сам иной раз лез наражён. Искал приключений. А вот надо же? Что-то почувствовал.

– Ну, так что? Зайдём, или здесь твой «мужской» разговор разговаривать будем? – он кивнул в сторону трапа.

– Да нет, блондин, к тебе я не пойду. Да и некогда мне расслаживаться. Дома жена ждёт.

– Ого! Ты уже женат? Здесь нашёл, или из дома привёз? – Виктору уже хотелось дерзить, но он не знал, за что зацепиться.

– Женат.

Игорь ответил односложно, вскинув на Виктора взгляд.

– И вот о моей жене мы сейчас и поговорим. Ещё не понял?

Он засунул руки в перчатках в карманы куртки и, опустив голову, уперся взглядом в свои ботинки. У Виктора пробежала вторая волна мурашек. Он непроизвольно оглянулся по сторонам, как будто ища поддержки, и ему вдруг захотелось уйти. Просто повернуться и уйти к себе на пароход, в каюту. Как будто Игорь уже всё сказал и дальнейшее просто не интересно.

– Так вот, слушай. Мою жену зовут Тамара, – говорил Игорь, четко произнося каждое слово, – Тамара Саенко. А девичья фамилия Сердюк. Слышал такую?

Виктор смотрел на Игоря, понимал, что тот продолжает что-то говорить, а в голове крутилась странная мысль. Я ведь это понял ещё на рейде. Вернее не понял – почувствовал. И мысль эта стукнула несколько раз. Только почему я это почувствовал? Ведь он мне ничего не говорил. Или говорил? Надо же, оказывается, может быть больно слышать. Тамара Саенко. Вот что больно. Тамара Са-ен-ко. Словосочетание дурацкое. Чёрт, что-то надо делать. Люди ведь в таких случаях должны психовать. Может дать ему в рожу? Урод. Вот этими губами он

её целует. Врезать ему по этим губам. Каким же я сейчас дураком выгляжу. Вот ему потеха. Какого хера я за ним поперся? Какого я ещё здесь стою? Что я ещё хочу услышать? Это же издевательство какое-то. Надо просто повернуться и уйти. Автоматически вытащил пачку сигарет. Но закуривать не стал, понял, что дрожат руки. До сознания снова стали доходить слова Игоря.

– ...мне, понимаешь, по херу, как ты на это реагируешь. Мне её спокойствие дорого. И моё. Я не хочу, чтобы ты к ней пришёл с разборками. Понял? Я тебе как мужик мужику. Понял?

Игорь замолчал, и прищурившись, заглянул в глаза Виктору. Заметил, что тот начал его слушать и повторил, по-видимому, ранее сказанное.

– Я говорю..., ну, она мне говорит, ну когда свадьбу уже затевали. Мол, давай Вилю, тебя, то есть, из рейса дождёмся. Я мол, она значит, должна, мол, точки над «и» поставить. Мол, что-то у вас тоже затевалось и как бы надо разобраться. Ну а я тогда твёрдо... так, говорю, любишь? Или у нас с тобой тоже, как с этим Вилей – игрушки-погремушки? Она мне – люблю! Слышишь?

Игорь отступил на шаг и рубанул ребром ладони по воздуху.

– Смотри на меня. Она сказала – люблю! И мы расписались. И у нас всё Оки-доки. И у нас всегда, всё будет отлично. Понял? Всё Виля, я всё сказал. И прошу запомнить мою основную мысль. Мы с ней живём в Мурманске. И ты здесь ошиваешься. Чтобы ты к ней ни ногой! Понял? Я чисто по-мужски. Пока без угроз. По-мужски. Вот так, приятель. А я пошёл.

Игорь мазнул по снегу ногой, как будто мяч ударил и резко развернувшись, пошёл в сторону проходной. Снег под ногами уходящего закрипел мерзко, до звона в ушах.

Виктор медленно поплёлся по трапу на борт. В голове мешанина. Дурацкое сочетание имени Тамара с фамилией Игоря сменялось вопросом. А в чём он меня убеждает? Чтобы я с ней не встречался? Она в Мурманске? А он боится? И опять – Тамара Саенко.

Поднялся на борт, постоял, кому-то, что-то сказал и, развернувшись, спустился по трапу на причал и быстрым шагом пошёл в город. Снег сёк лицо, забивался за воротник, холод проникал в карманы и жёг руки без перчаток. Виктор не задумывался чётко о том, куда идёт. Он шёл в сторону, куда ушёл Игорь. Тамара в Мурманске.

Глава вторая. Что такое «шайба» и «шартрез»?

Пока Виктор шёл по порту, казалось ему, что он видит идущего впереди Игоря. Окликать его не было никакого желания. Ещё чего. Случись сейчас Игорю оглянуться или того хуже – остановиться, Виктор бы стороной его обошёл. Демонстративно. Не из боязни или неловкости. Он его физически сейчас переносить не мог. Но прошли проходную, и пропал ненавистный силуэт за снежной косой сеткой. После освещённого прожекторами порта за проходной Виктора встретила ночь, пятна фонарей и ведущая к еле различимому светлomu пятну города заснеженная лестница. На лестнице никого не было. Куда пошёл Игорь? Куда идти? И куда он, Виктор направляется? Остановился. Наконец пришлось признаться себе, что намерен искать Тамару. Всё, что намечалось им на сегодняшний день, и даже встреча с Игорем, с его, не укладывающимся в голове сообщением, всё отступило на задний план. В голове стучала одна мысль. Тамара в Мурманске. Девчонка, ставшая родной за последние три года и ещё менее чем час назад предполагаемая быть родной на всю жизнь – здесь, в городе! Ведь он только что хотел идти на переговорный пункт, заказывать разговор с ней. Хотел сообщить ей о своём приходе в Мурманск. Хотел спросить, почему она перестала присылать ему радиogramмы. Хотел сообщить ей, что намерен лететь в Ростов с решительными намерениями. Хотел. Хотел. Всё рухнуло. Как будто за спиной обвалился мост. Длинный мост. Длинной в прожитую, пусть не долгую жизнь. А впереди пусто. Пустыня. Не понятно вообще ни чего, что впереди. И ещё засела где то внутри иголочка. И колола беспощадно, стоило затронуть в мыслях свалившуюся за последний час беду. Да, беду. А как это ещё назовёшь? Впервые Виктор понял, насколько серьёзными для него были отношения с Тamarой. Для этого надо было её, Тamarу, потерять. Да как же так? Неужели он её потерял?

Виктор пошёл по занесенному полосами снега деревянному тротуару, шаркая ногами, втянув голову в плечи. На пустыре, через который он проходил, объединившиеся северные братья, мороз, ветер и снег взяли его в оборот. Да так взяли, что Виктор сначала перешёл на быстрый шаг, а потом просто побежал. «Замороженный Мороз» мелькнуло в голове. На юге он не придавал никакого значения своей фамилии. А здесь – надо же, до каламбура дело дошло.

– Эй! Дядя! – Виктор тронул рукой идущего навстречу мужчину. Тот шёл, ссутулившись, скрещенными руками держал распахивающиеся на ветру полы старенькой военно-морской шинели.

– А! – мужчина с готовностью остановился.

– Где здесь можно перекусить и выпить? – выразительно показал на ворот и быстро сунул руку в карман.

У «дяди» из под опущенного козырька облезлой шапки радостно блеснули глаза. Оба остановились и повернулись спинами к жестокому ветру. Стояли, касаясь друг друга плечами.

– А сколько время, морячок?

– Девять полста, – руку с часами пришлось стремительно доставать на мороз, так же быстро прятать, что очень разозлило Виктора, – ну? И что из этого?

– А то, что похавать сейчас можно и на вокзале, – дядя кивнул в сторону предполагаемого за углом вокзала, – а вот стаканчик принять, так это только в «шайбе». Через десять минут.

– Где? В какой шайбе?

Здесь требуется пояснение. У Виктора между приездом в Мурманск и уходом в море прошло так мало времени, что он не успел познакомиться с городом и всеми его достопримечательностями. Даже такими, как «Шайба».

– Шайбу не знаешь? А капуста у тебя есть?

– Слышь, бичара, я тебя спросил? Ответь.

Виктор сделал движение, будто желает уходить. Но «дядя» решительно схватил его за рукав и засуетился.

– Не ругайся, морячёр. Могу проводить. А стаканчик нальёшь?

– А чего меня вести? Так показать не можешь?

– А как же? Услуга. Да и холодно ведь, братишка, а? Согреться, а?

Мужчина всё так же держал Виктора за рукав. Нет, не держал, а держался. На руках у него были туго натянуты тонкие дамские перчатки. Виктор чуть кивнул головой, давая понять, что согласен на услугу, освободил руку и пошёл следом за бойко затопавшим местным проводником. Шли от фонаря до фонаря по обледелым тротуарам. Подошли к дому с округлым фасадом, действительно напоминающем шайбу. Дверь заведения, естественно, была закрыта.

– Ну? Чего ты меня сюда привёл? Под дверью стоять?

– Ни в коем разе. Сейчас всё устанится. Всё будет как у людей. – зачастил проводник и тихонько постучал в дверь.

И дверь быстро открылась. Выглянула женщина в белом халате и пуховом платке, наброшенном на плечи. На глаза надвинута дорогая меховая шапка. Хмуро глянула на мужчину и, уже было собралась закрыть дверь, но увидела Виктора. Между тем проводник успел воспользоваться паузой и продвинулся между женщиной и дверью.

– Привет, Сергеевна, – с лёгким поклоном поздоровался, – а мы вдвоём.

Сергеевна отступила на шаг, пропуская вежливого, разумеется, хорошо знакомого посетителя и, молча, смотрела на замешкавшегося Виктора.

– Холодно ведь, проходи, – неожиданно мягким и молодым голосом позвала Виктора. Тень от уличного фонаря закрывала лицо женщины, и только голос выдал её возраст. Девчонка, что ли, подумал Виктор. Холод торопил его, и он поспешно прошёл в заведение. Встретило тепло и голос Майи Кристалинской. Затертая пластинка баловала посетителей незнакомой, по-видимому, новой её песней. «И опять во дворе нам пластинка поёт...», – жаловалась певица, – «и простится с тобой всё никак не даёт».

Провожатый уже крутился около столика, услужливо пододвигая стул. Виктор сел, снял шапку, пристроив её на коленях, и расстегнулся, пропуская к замёрзшему телу тепло. Да, подумал, пока на швартовке таскал концы, тепло было. А вот по городу ходить, придется теплее одеваться, учесть это надо будет. Усевшийся напротив новый знакомый тоже снял шапку, и оказался средних лет мужчиной, с всклокоченными редкими волосами и характерными мешками под глазами. Предчувствие близкой выпивки мешало ему сосредоточиться, и контролировать хотя бы дрожание рук. Он заискивающе, не отрываясь, смотрел на Виктора, готовый по первому требованию вскочить и бежать по его поручению.

– Что будешь заказывать, морячок? Говори, я сбегая, – показал глазами в сторону стойки.

– А здесь что, самообслуживание?

– Да нет, здесь официантки ходят, – закрутил головой, – но я могу сам сбегать. Чтобы быстрее.

– Слушай, дядя, ты сиди, не дёргайся, а? Я терпеть не могу прислугу.

Виктор собрался встать, но перед ним, как из под земли выросла тётка с подвязанным под груди передником. Она, почему-то сначала молча, рассмотрела Виктора, потом изобразила доброту и спросила:

– Что, красавчик, кушать будем? – стряхнула грязным полотенцем что-то со стола перед Виктором, – или только выпивать? – и оглянулась на стойку.

Виктор проследил за её взглядом. У стойки стояла давешняя девушка в пуховом платке и смотрела в их сторону. Поймав его взгляд, выдержала несколько секунд, чуть улыбнулась, отвернулась и ушла в открытую рядом дверь.

– Морячёр, тебя запеленговали, – вдруг развязно заявил проводник и, откинувшись на спинку стула, забросил ногу за ногу, – теперь заказывай, что хочешь.

Официантка, как будто только заметила, что Виктор не один. Не поворачивая в сторону второго голову, спросила Виктора.

– А этот с вами?

– Надюха! Ты не отвлекайся. Тебе положено обслужить человека? Вот и обслужи.

– Со мной, – нехотя ответил Виктор, – а что, он вам мешает?

– Меша-ают, ещё как меша-ают, – заныла официантка, – если бы вы знали, как они нам, эти бичи, осточертели. Это только утро. А что к концу дня здесь будет, представляете? Он же, небось, треплется, что только с моря пришёл, да? А я его здесь каждый день вижу. С утра до вечера. И не один месяц. С утра и до вечера, с утра, до вечера, – она отсчитывала рукой, – а вчера? – повернулась к бичу, – Федька, помнишь, как уполз отсюда? А где ночевал, помнишь? И как они не замерзают? – всплеснула руками.

– Надюха, – Федя уже не мог скрывать дрожание рук и всего организма, – кончай! Обслужи человека. Не мучай.

– Кого не мучай? – покачала головой и повернулась к Виктору, – и чего ты с ним связался? – махнула с досадой рукой, как бы извиняясь за «ты», – заказывать будете?

– Вы, это, налейте ему стакан чего-нибудь, я обещал. И пусть идёт. А мне поесть. Что у вас есть? И тоже, выпить.

– Покушать, – она наклонилась к Виктору, – могу яишенки принести, а вообще, у нас жареная мойва. Принести? Ну и шартрез.

– Шартрез? А это что? Выпивка?

– Да ты скажи Сергеевне, – вмешался Федя, – она распорядится агдамчику бутылочку.

– Нету «Агдама», – отмахнулась от Феди официантка.

Виктор сморщился, как от зубной боли. Ему так не хотелось сейчас ни с кем, ни разговаривать, ни вообще общаться. А эти двое, как мухи зудели над ним. И не отмахнуться от них. Да и не уйти уж. Куда идти? Как подумаешь, какой холод на улице. Эх, Тамара, Тамара, что же ты наделала. С досадой глянул на официантку и бича. Подумал, вот у меня теперь какая компания. Что там нынче Игорь сказал? Я с женой здесь, в Мурманске живу, а ты, мол, здесь ошиваешься. Так, кажется, сказал? Ошиваешься! Ты смотри, какой провидец, а? Ну, что же, Игорёк, ещё не вечер, поживём – увидим. А пока мы за это выпьем.

– Ну, что, разобрались? Слушай, тётя, ты мне принеси что-нибудь, а потом разбирайся со своим Федей. Или как там вас?

– Щас, красавчик, щас, – крутанула квадратным задом и умчалась в ту же дверь, куда перед этим ушла девушка в пуховом платке.

Федя завертелся на стуле, разглядывая посетителей за каждым столиком отдельно. Кому-то дурашливо отдал честь, от кого-то отмахнулся. Виктор тоже оглядел небольшой зальчик. Несмотря на ранний час, народу набралось прилично. Сидели за столиками и стояли у стойки. Удивительно ещё, как им достался свободный столик. Он здесь, разумеется, никого не знал и его никто не знал. Ну и хорошо. Подумал, сейчас поем, выпью и... «И опять, и опять, и опять во дворе нам пластинка поёт...» И что дальше? Конечно, теперь он её должен найти. Во что бы то ни стало. Найти Тамару. Она здесь, в Мурманске.

Сбоку, на уровне глаз возник поднос, с которого официантка стала снимать и расставлять на столе перед Виктором «яства». Тарелку с горкой жареной, крупной мойвы, обещанную яичницу и бутылку со странной зеленой жидкостью. Виктор взял в руки бутылку. На этикетке значилось, что это ликёр с незнакомым ему названием «Шартрез». Федя захихикал, заявил, что сейчас они зубы почистят. Он успел принести пару граненых стаканов и теперь, заискивающе заглядывая Виктору в глаза, подталкивал их к бутылке.

– На, налей себе сам, – Виктор передал ему бутылку, – только ты это..., наливай себе полный и того...

– Чего?

Федя не заставил себя ждать. Трясущейся рукой забулькал себе в стакан. Видно было, что он не особенно прислушивался к тому, что говорил ему Виктор. Взгляд его был прикован к стакану. Для него главное сейчас было, как бы не разлить драгоценную жидкость. А жидкость тягучей зелёной струйкой медленно заполняла стакан, приближаясь к краю. Не долив на палец, он поднял глаза на Виктора и, заискивающе улыбаясь и, не убирая горлышка бутылки от своего стакана, спросил:

– Что ты сказал? – и, не ожидая ответа, – тебе тоже полный?

– Я сказал – налей, и ..., сделай одолжение, оставь меня в покое.

Последние слова Виктор говорил уже в доньшко стакана, которое закрыло от него лицо собеседника. Федя не вытерпел паузы и приложился к своему стакану. Пил медленно, не отрываясь, длинными, тягучими глотками. Вот даёт, подумал Виктор. С удовольствием ведь пьёт. Он успел понюхать жидкость в бутылке. Пахла она, действительно, как зубная паста. Мятная. Вот так и я буду «ошиваться» по Мурманску один, без угла, без родных и близких, и сопьюсь, в конце концов. И буду бичевать, и радоваться всякой дряни, какую мне нальют.

Между тем Федя опустошил свой стакан и потянулся к лежащей на тарелке мойве. Виктор невольно обратил внимание на коричневые от грязи руки соседа.

– Слышь, ты. А ну не лезь руками в тарелку.

Сам взял пару рыбок и положил их на стол перед Федей.

– Ты когда последний раз руки мыл, чучело? Я тебя попросил? Выпил и сваливай от меня. Неужели не понятно. С тобой же рядом сидеть невозможно. Аппетит пропадёт.

С одной стороны Виктору было неловко так разговаривать с человеком старше себя. Но брезгливость взяла верх. У Феде после выпитого потекли струйки с краёв губ, глаза мгновенно осоловели, а сам он весь уже без робости с локтями завалился на стол. Какое-то время молча, неподвижным взглядом разглядывал бутылку, как будто не понимая сказанного. Потом, так же молча, размахисто кивнул, поискал шапку и встал. Постоял перед Виктором. Хотя видно было, что на разговор его не хватит. Глаза ворочались так же медленно, как и мысли. Какой уж тут разговор. Он ещё раз кивнул, и, шаркая стоптанными сапогами, пошёл по залу. На улице, в темноте и за пеленой секущего снега Виктор его не рассмотрел, а теперь увидел и ветхость его нехитрой одежды, и запущенность самой личности Феде. Вот оно – «дно», подумал. Надо это запомнить, уяснить и не допускать. И повторил для памяти. Не допускать! Не буду я по Мурманску «ошиваться», не дождёшься, Игорёк. А сейчас выпью. Налил себе полный стакан пахучей, тягучей жидкости изумрудно зеленого цвета и медленно выпил. Первый глоток ещё был неприятен своим мятным вкусом, последние оказались сладкими, и приятно согрели. Даже закусывать не захотелось. Налил ещё. Посидел, оглядел зал. Ни одного знакомого лица. Выпил. Появился аппетит и Виктор съел всё, что принесла ему официантка. Он уже окончательно согрелся, расстегнул куртку. Содержимого бутылки хватило ещё на пол стакана. Поискал глазами официантку. В знакомой уже приоткрытой двери стояла та самая молодая женщина и, теперь уже не отводя взгляда, смотрела на Виктора. Э-э-э, да я тебе приглянулся, что ли? Виктор откинулся на спинку стула, взяв в руки стакан, и подмигнул ей. Женщина улыбнулась. Виктор, сделав смущенное лицо, тряхнул своими соломенными кудрями и выразительно постучал вилкой по бутылке. Она, продолжая улыбаться, ушла за дверь. А хмельное тепло уже пришло в голову и быстро завладело и настроением и мыслями Виктора. Мягкой, тёплой рукавичкой собрало все колючие горечи и обиды и спрятало куда-то, оставив лишь странное ощущение пустоты. Эта пустота была теперь сзади, куда не хотелось оглядываться.

А вот вокруг всё чудесно. За окнами в оранжевых пятнах фонарей тянутся косые нити мелкого снегопада. А он сидит в тепле и слушает чудесную музыку. «Ты не грусти, может быть ещё встретимся, я от тебя не уйду ни куда...», – поёт певица, и слова её песни такие проникновенные, волнующие до глубины души. И музыка звучит и вокруг и в нём самом. А за соседними столами сидят моряки с мужественными, обветренными лицами, обсуждают

какие-то серьёзные дела и события. И он, Виктор, в центре этой настоящей, красивой жизни. Он не свидетель, не наблюдатель, он участник этой жизни.

Развернулся всем корпусом, откинувшись на спинку стула, и стал рассматривать сидящих в зале. Захотелось пообщаться с кем-то, пусть даже не знакомым. Рассказать о себе, о долгом рейсе, о никогда не виденной раньше полярной ночи. Ну не вмоготу. Так захотелось выговориться. И он стал искать глазами хоть малость знакомое лицо. Скрипнул стул. Оглянулся. За столом напротив сидела та самая. В пуховом платке и шапке. Только шапку сдвинула на затылок, от чего на лоб упала чёлка густых волос, закрывающая брови и подчёркивающая раскосость больших, красивых глаз. Волосы светлые, а скулы восточные, даже чуть резковатые. Виктору она показалась красавицей. Он дурашливо расставил руки, будто готов был обнять её через стол.

– Здра-авствуйте! Хотите мне компанию составить? Рад бесконечно!

– Так уж и рад?

– Ага!

– Какой смелый, да весёлый, а? А вошёл хмурый, как туча.

– У-у-у. Проницательная ты моя. Всё то ты видишь.

Язык цеплялся за слова. Пьянею, понял Виктор и, тряхнув головой, постарался твердо посмотреть на собеседницу. Но взгляд уплывал в сторону. Виногато хмыкнув, оперся головой на руки, поставив локти на стол.

– Я вчера с морей пришёл, – негромко, как бы сам себе проговорил, – полгода на берегу не был.

– Ясно. Отвык от спиртного. Или не привыкал? Матросом ходил? После армии, небось?

– Нет, милая. Не угадала на этот раз, – помолчал, глядя в стол, – после мореходки.

– После Рос-тов-ской мореходки, – по складам громко повторил, – знаешь такую?

– О-о, поплыл. Ты не пей больше, молодой, красивый.

– Это ещё почему? Ты кто такая?

– Ладно. С тобой всё понятно. Теперь ни кто тебе не указ.

Она подвинула рукой через стол гранёный стакан на две трети наполненный чем-то чайного цвета.

– Не пей больше никакой гадости. Вот это, по немножко. Не всё сразу. А Надежда тебе сейчас поесть ещё принесёт.

Встала и пошла к своей двери. На полпути вернулась, обняв за плечо, наклонилась к самому уху и негромко сказала:

– Ты, это, не связывайся ни с кем. Ладно? Посиди немного, подожди меня. Я скоро освожусь и мы с тобой в другое место вместе поедem, лучше этого. Хочешь? В хорошем месте посидеть?

Виктор откинулся на спинку стула и, ничего не понимая, глянул на женщину.

– Ничего не понимаю. Куда пойдём?

– Не пойдём, а поедem. И поешь.

А на стол перед ним уже устанавливалась тарелка с горькой жареной картошки и куском мяса. Горячее всё, пар идёт. Официантка новую вилку принесла, на край тарелки пристраивает, хлеб на другой маленькой тарелке подвинула.

– Ешь.

Оглянулся. Красивая, в пуховом платке исчезла, а тётка в переднике сидит напротив и с интересом разглядывает Виктора. Как голова туго работать стала! Права красавица – отвык от спиртного за долгий рейс. А вот аппетит разыгрался не на шутку. Коротко махнул рукой и взялся за вилку. Как вкусно. Взял стакан и, забыв предупреждение, выпил одним махом. Горло обожгло терпким, ароматным. Коньяк? Я ведь не заказывал? Виктор даже протрезвел на минуту.

– А говорили, что ничего нет?

– Для тебя, вишь, нашлось, – усмехнулась Надежда, вытирая передником руки, – старый знакомый, штоли? – махнула в сторону двери головой.

– Кому, ей? Да я вас всех первый раз вижу. Хотя, конечно, – постарался сделать приветливое лицо, прожевал и улыбнулся женщине, – я вам очень благодарен.

– Да брось брехать то. Стала бы Варька перед тобой прыгать. Да она вашего брата терпеть не может. Никогда ещё к столику ни к кому не подходила. Я что-то такого не помню. А тут, надо же? Подай ему, принеси, из своей бутылки налила. Ваще!

Осмелела, начальство не уважает, видит, что я опьянел, в туманном сознании пронеслось у Виктора.

– Ты, это, чего мелешь, из какой такой своей бутылки? Я плачу!

Он хотел возмущенно хлопнуть по столу, но рука соскользнула с края стола и голова вслед за рукой упала вниз и устроилась рядом с тарелкой. Сознания и сил хватило, чтобы не попасть лицом в тарелку. Всё?

Нет, не всё. Несмотря на неудобную позу, приснился сон. Быстрый, мимолетный. Но красивый. Виктор этот сон на всю жизнь запомнит. Еще потому, что будет этот сон повторяться, в разные годы, но почти без изменений. Стоит он на берегу бескрайнего моря. А бескрайнее потому, что стоит он на высокой береговой скале, на утесе, у самого края. И так высоко, что чайки где-то внизу кричат. А горизонт морской сливается с сияющим куполом неба. И вот стоит он..., стоит..., и поднимает взгляд вверх. А там, в небе над ним грациозно, как в замедленном кино, плавно взмахивая крыльями, проплывает стая белоснежных лебедей. Виктор поднимает руки и машет им. И, как будто, он знает, куда они летят. И, как будто, он один из них. Вот так он чувствует. А лебеди все летят..., летят. Бесконечно. Вот теперь – все.

Глава третья. Ночной гость

Женщина сидит на краю кровати, спокойно, внимательно рассматривает его. Виктор чувствует тепло её бедра. Только что убрала руку с его головы и выпрямилась, слегка откинувшись назад. Он собственно и проснулся оттого, что, как когда-то в детстве мама, ему ворошат волосы. На голове у сидящей намотано большим тюрбаном пушистое яркое полотенце. Конец свешивается на плечо. Тонкий, бордовый халат с розовыми кружевами и широкими рукавами позволяет, даже не заглядывая в разрез на груди, предположить, что под ним ничего нет. На лице и на открытом теле капельки воды. Какое лицо красивое! О таких говорят – порода, сообразил Виктор. Большие раскосые глаза, брови тёмные, густые, прямой линией с разрывом на переносице. Красивый, разве чуть скуластый, овал лица, а вот уши, как будто топорчатся. Или нет, это их полотенце так прижало.

А какие губы красивые. Уголки губ как будто вздёрнуты вверх. Мама родная, у меня на кровати такая красавица сидит! Однако, откуда я её знаю? Где я её видел? О-о-о. Как голова трещит! Вспомнил. Это та самая красавица из кафе. Название ещё помнит дурацкое у этого кафе. «Шайба». А что эта красавица у меня на кровати делает? «Послушайте, положите ещё раз свою руку на голову. Как кому? Мне. Она у вас такая прохладная. О-о-о, как хорошо». «А мы что, на ты?». Вот это новость. А ведь я шёл к Тамаре.

Прохладная рука легла Виктору на лоб, а он окончательно всё вспомнил. Вспомнил, как под руки с двумя женщинами, одна из которых сейчас сидит у него на кровати, вышел из кафе. Вторая куда-то исчезла, а с этой они стояли, как выяснилось, ждали машину. Женщина, стоящая рядом с ним была в коротком приталенном полушубке с большим меховым воротником и в шапке. И с шапки хвостик пушистый, звериный свешивался. Чудно. «Девушка, а где ваш колчан со стрелами? Где лук?». Что она ответила, он не помнит.

Подъехало такси. Сели на заднее сидение и красавица коротко сказала: «Арктика». Это он помнит. А вот после этого он смог вспомнить только то, что доехав до намеченного пункта, она долго рассматривала его, а потом со смешком сказала, что её спутника рискованно выводить из машины и назвала какой-то адрес. И они снова поехали по тёмным, заснеженным улицам. На этом воспоминания тухнут. В машине было тепло и покачивало. Да и ночь бессонная сказалась. Надо полагать, что она привезла его к себе домой, иначе чем можно объяснить то, что он видит.

Чтобы положить свою ладонь ему на лоб, красавица опять наклонилась, и халат раскрылся ещё более откровенно. Витя-я-я! Ты такого ещё не видел. И так близко. А красавица убрала руку, выпрямилась и беззвучно засмеялась.

– Да что же ты так растерялся? Я не кусаюсь. А может ты ещё мальчик нецелованный? А?

– Почему ты так решила? – не нашёл, что умнее ответить.

– Тогда давай проверим.

И красавица, быстро, легко прижав ладонями его щёки, как ребёнку, чуть приподняла его от подушки и, прижавшись тёплыми, мягкими губами сделала что-то невообразимое, чего Виктор никогда не испытывал. Когда она выпрямилась, он остался лежать, зажмурившись, вцепившись руками в простыню. Глаза открывать страшно. Надо ведь будет ей в глаза смотреть. Ну, что, Витя, так и будешь лежать? Да что же это ты, как девица красная! Глянул, она сидит так же, руками поправляет на груди раскрывшиеся полы халата. Протянул руки, попытался помешать ей, потянул за халат.

– Не хами, – почему-то шепотом сказа красавица, – это тебе не идёт.

– Я не хамлю. Я, может быть, на красоту посмотреть хочу. А ты не даёшь.

– Успеешь. Всё успеешь. Ты лучше, знаешь, гость ночной, пойди в ванну сходи. Вот по прихожей и налево. Полотенце розовое, увидишь. Зубную щётку я тебе в стакан поставила.

Улыбнулась и опять взъерошила ему волосы.

– Да не смущайся ты так. Ничего в этом страшного нет. Ну не собирался же ты сегодня у женщины ночевать? Так ведь? Ну, скажи честно, не собирался?

– Откуда ты знаешь, а может быть собирался.

– Да брось врать то. Куда там ты собирался. Я ведь всё вижу. Да если хочешь знать, я уже много чего о тебе знаю.

– Откуда?

– Да не откуда. Знаю и всё. Я во всём могу сама разобраться. Мне достаточно тебе в глаза посмотреть. А они у тебя вон какие ясные. А как поцеловала, теперь всё о тебе знаю.

Встала и дернула за одеяло.

– Давай, не стесняйся, иди в ванную.

– А чего мне стесняться, – резко встал, натянув на себя одеяло, и открыл указанную дверь.

Хозяйка что-то говорила в полголоса, откуда-то, видимо из кухни. Да кто она такая? И вообще, что происходит? Ну, ладно, разберёмся.

Огляделся. Белая ванна с высокими бортами. Полочки, зеркало. Унитаз накрыт какой-то цветной крышкой. Вокруг чистота. На полочках баночки, бутылочки. И Виктор обратил внимание, что ничего мужского нет. Ни бритв, ни одеколонов мужских. Значит одна живёт, не замужняя, сделал простейшее заключение. Пока рассуждал, залез в ванну и открыл душ.

В таком комфорте ему ещё не приходилось бывать. Детство прошло в доме с умывальником «рукомойником» с носиком, который надо поднимать, чтобы потекла струйка воды. Щелчки этого носика и звук льющейся в ведро воды, вот его память об умывании и чистке зубов. Да и в училище и на судах удобства были более скромными, спартанскими, чем здесь. Сейчас мылся с удовольствием, из под струй душа выходить не хотелось.

Как же я в это приключение попал, не выходило из головы? А девка красивая! Только вот, что-то раздражает. Ну конечно то, что вся инициатива в руках этой красавицы. Что это она со мной, как с мальчишкой. Надо всё переворачивать. Нашёл в стакане щётку, почистил зубы и одел недосушенные трусы. Так, вперёд и с песней. Вышел в прихожую и осмотрелся.

Небольшая, по-видимому, однокомнатная квартира, везде горит свет, а за окнами тьма непроглядная. Не понятно, день или ночь. Может быть утро? Получается, что если он проснулся, то утро, что ли? За поворотом прихожей, на кухне увидел хозяйку, стоящую к нему спиной у плиты. В том же халатике, оказавшемся предельно коротким, и без тапочек, в тёплых носках. Виктор подошёл босиком, бесшумно и, остановившись в дверях, невольно залюбовался ею. Халатик не скрывал красоты фигуры, полотенце она сняла и свободно растрепала влажные тёмно золотые волосы с бронзовым отливом. Что же это такое, мелькнуло в голове. Она же мне чужая, а тянет к ней, как к родной. Тянет, сил нет.

Так же тихо, даже на цыпочках подошёл к ней сзади и обнял, прижавшись всем телом. Женщина даже не вздрогнула, как будто ожидала. Только не освобождаясь от его объятий, повернулась к нему лицом и встретила его губы. Так, не отпуская друг друга они и вернулись в комнату. У Виктора кружилась голова от её полузакрытых глаз, её стонов, от всего, что она делала. В какой-то момент ему стало казаться, что они стали одним целым и что это самое лучшее, что может быть на свете.

Потом, лёжа рядом с ней на животе, почти прижавшись носом к её плечу, разглядывал действительно слегка оттопыренное розовое ушко, прикрытое густыми, ещё влажными локонами волос. Густые ресницы, казавшиеся очень длинными из за того, что, закрыв глаза, образовали на скуластых щеках длинные синие тени, мелко дрожали. Это, почему-то показалось Виктору таким трогательным, что он приподнялся и поцеловал сначала один, потом другой глаз и так и остался, опершись на один локоть над её лицом. А она открыла глаза и, вдруг нахмурившись, шепотом спросила:

– Правда, хорошо было?

– Что ты спрашиваешь? Да у меня слов нет. Да..., – он не заметил, что отвечает тоже шёпотом и тоже серьёзно.

И только когда запнулся, не находя слов, они оба рассмеялись. Она наморщила нос и, не переставая смеяться, сказала:

– А с мокрыми трусами, сколько мороки было? Я ведь с тебя их за сегодняшний день второй раз снимаю. Ну, на этот раз хоть по делу. Но еле стащила. Мало того, что мокрые, ещё и это мешало, – она приложила руку к тому, что мешало.

И это было так естественно, так просто в её исполнении, что Виктор не смутился. С этой женщиной было легко. И ему не надо было разбираться, что легко. Было просто очень хорошо и легко.

– Тебя, кажется, Варя зовут?

– Здра-авствуйте. Что, есть повод познакомиться? До этого не было?

– Зачем ты так? Я помню, тебя Варей зовут.

– А то, что мы уже знакомились, ты помнишь?

– Не-а, – качнул головой, – не помню.

– Пить надо меньше. Мы с тобой в такси, когда ехали, познакомились. Меня, действительно, Варварой зовут. А ты сказал, что тебя Вилей зовут. Прибалт, что ли?

– Да нет, это в мореходке так называли. Виктор я.

– Победитель, значит?

– Какой победитель? О чём ты? А-а, да-да, слышал что-то. Виктория – победа. Так что, и мужское имя обозначает – победа?

– Конечно.

– Да я как-то не задумывался. А у тебя, почему такое старомодное имя? Варвара? Хотя..., Варенька..., очень даже ничего! А знаешь, мне понравилось, что у тебя тело мокрое. Оно у тебя от этого такое упругое.

– Ну знаешь! Оно у меня и не мокрое пока что упругое.

– Что значит пока? Что ты хочешь этим сказать?

Варя помолчала, приложила ему к губам палец и спросила:

– А ну-ка, только не прибавляй, пожалуйста, скажи, сколько тебе лет? Только не прибавляй. Я уже по глазам вижу, как у тебя счеты защёлкали, сколько бы прибавить. Я ведь всё равно правду узнаю.

– погоди, Варенька, неужели это так важно? Ну, двадцать один. Ну что ты смеешься? Вот в конце февраля будет двадцать один.

– Так. Всё-таки будет? Ну ладно, отпразднуем, – помолчала, – ну, а мне, как думаешь, – чуть приподнялась и чмокнула его в нос, – сколько? – закрыла глаза.

– Варь, я не понял. Мне с тобой, конечно очень хорошо, и всё такое. Но у нас с тобой разговор, как будто мы в загс собрались. Это что, так важно?

– Ладно, я сама скажу. Двадцать восемь. И не будет, а было. Ой, смотри, бровки твои белые сейчас улетят. Не веришь, что ли?

– Ве-ерю. Хотя, если серьёзно, то я бы решил... что меньше. Ну... года на два, три больше, чем мне. Да ладно, Варенька, что ты так об этом серьёзно? Меня это, например, совсем не волнует. Мне это даже нравится. Нет, правда. Ты такая женщина... опытная, и... красивая.

– Ну, слава Богу, заметил.

Она вздохнула и отвернула лицо в сторону. Замолчали. Виктор перевернулся на спину и уставился в потолок.

– А сколько сейчас время? Где мои часы? Мне же на вахту.

– Какая там вахта! До утра ещё спать и спать.

Опять замолчали. Виктору в голову пришла странная мысль, что, мол, за столько месяцев наконец не качает. Штиль, что ли? И не заметил, как задремал. Сон был короткий, но очень

ясный. Такие сны у человека часто бывают. Ясные, как явь. Когда ты, как будто, даже проверяешь себя, спишь ты или нет. Что-то происходит, а ты так и не можешь понять, снится это тебе, или нет. Виктор в будке междугороднего телефона. И там, в трубке, где-то далеко голос Тамары.

«Виля, Виля? Виля, ты уже вернулся?» – она кричит, – «что ты молчишь?»

Виктор молчит, он не знает, что говорить. Что ей можно сказать после всего, что он узнал. Она даже фамилию поменяла.

«Ты зачем его фамилию взяла?»

«Вилечка, я ничего не брала! Это всё шутка. Неужели ты мог в это поверить? Я собираюсь и еду в Мурманск. Встречай меня. Встретишь? И в рейс мы вместе пойдём. Я договорилась. Пока ты в рейсе был – я договорилась. Ты помнишь, я собиралась в медицинский поступать? Так я уже поступила. И в рейс с вами врачом пойду. Ну? Теперь ты понял, что всё это шутка была? Я тебя целую крепко-крепко. Помнишь, как мы с тобой на веранде целовались? Помнишь? ...Помнишь?...Помнишь?»

Как пружина распрямила Виктора. Он сел, спустил на пол ноги и ошарашено уставился на стоящую у стола Варю. У неё в руках уют и в комнате запах разогретой утюгом материи. Домашний запах.

– Что такое? Что ты вскочил? Я же тебе сказала, ещё спать и спать. Ложись, я тоже к тебе сейчас приду. И про вахту я твою помню. Не проспай, – говорила, продолжая водить утюгом, от которого шёл пар, – ты всю дорогу мне говорил, что между женщинами и морем, ты выбираешь море. И что ты не можешь опоздать на вахту. Так что, давай, спи. Ни куда не уйдёт твоё море.

– Ты, это..., не иронизируй.

Напоминание о вахте и промелькнувший сон вернули притихшую боль. И теперь и эта незнакомая квартира, и красавица Варя вызвали раздражение.

– Где моя одежда? И вообще, что происходит?

– Какая одежда. Ночь на дворе. Утром встанешь и поедешь к себе на пароход. Витя, ну что не так? Я вот утюгом досушу твои вещи, – повернулась, – а-а, да тебе что-то приснилось?

Ну вот, она ещё и ясновидящая, на мою голову.

– А как ты думал? – и загадочно улыбнулась.

Выдернула шнур утюга и, продолжая улыбаться, вышла из комнаты. А Виктор, набросив на плечи одеяло, подошёл к окну. Отодвинул штору, за окном ночь. Пригляделся, увидел огни города. Оказывается он на высоте. Посмотрел вниз, понял, что он где-то на третьем или четвёртом этаже. Внизу, под окнами слабый уличный фонарь. Света от него мало, но в его пятне, искрясь, косо сыпет мелкий снег. Рой снежинок взмывает верх, замирает и слегка кружась, начинает падать, но вдруг резким порывом уносится из пятна света, а на его место летят другие языки серебристых точек. Такой снежок, он уже знал, только с крепким морозцем может быть. Колочий, секущий, от него лицо сначала горит, потом немеет. Не хотелось бы сейчас на улице оказаться. Присмотрелся, чуть дальше, по-видимому, через улицу тёмные пятна двухэтажных домов, кое-где тоскливо, бледно светятся окнами. Пригляделся, за серыми заснеженными крышами этих домов и дальше, едва различимые огни города. Глаза привыкли к темноте, и он разглядел, что в свете качающегося фонаря видно пятно улицы. И не было в этом пятне ни тротуара, ни дороги, а только светлое, слабо искрящееся пятно снега. Холод, стужа за окном. И Виктор остро почувствовал, что стоит в тепле. Оказывается, он прислонился ногами к батарее, и тепло обволакивает его, проникает под одеяло, наброшенное на голое тело. А за окном мороз, темнота и пока что чужой город. И ещё пришло в голову, что он даже не знает, где он находится. В каком краю города, где порт? А может и не в городе, а в каком-то посёлке на окраине Мурманска? Ох, Витя, Витя..., давно в приключения не попадал? Надо с достоинством из этого выходить. Ты ведь не мальчишка, пора вести себя, как мужчина. Ну, не уходить же

прямо сейчас. Кому нужна такая примитивная демонстрация. Никто не оценит, усмехнулся. Да и почему я должен уйти от этой, ставшей в одночасье такой близкой женщины? Красивой женщины, в который уже раз отметил. А Тамара? погоди, но ведь Тамара – чужая жена. Забыл?

За спиной щёлкнул выключатель и перед глазами вместо холодного, заснеженного города возникло стекло с отражением светлой, тёплой комнаты.

– Пойдём, родной, спать. Мне утром на работу, тебе на вахту. Ну? Хватит дуться.

Ты смотри, как она точно попала в его настроение. Попала так, как будто они вели мысленный диалог. И сейчас, она отодвинула от него заснеженную улицу, щелчком выключателя и тихим словом «родной» рассеяла его горькие мысли.

– Варь, я уже родной?

– Удивляешься? Ты ещё многого, родной, не понимаешь. Мы с тобой, как родились, родными стали. Я ведь не девочка. Заметил?

– Да, девочкой тебя не назовёшь.

– Так вот. Я глупостей не говорю..., и не делаю.

Они уже повернулись друг к другу и стояли обнявшись. Варя была чуть ниже Виктора и потому смотрела на него, чуть задрав голову и касаясь губами его подбородка. И в глазах столько тепла, как будто снова под горячим душем оказался.

– Варь, ты меня обволакиваешь.

– Пойдём?

Таких откровенных глаз и заговорщицкого шепота ему еще не приходилось ни видеть, ни слышать. И хотя это было ново, но как будто понятно и знакомо Виктору древней мужской памятью. Как будто он оказался актёром пьесы, в которой и свою роль и роль партнера он знал и с головокружащим удовольствием начал исполнять. Они легли, обнявшись. Свет Варя выключила, и они лежали в полной темноте.

– Витя, я могла бы тебе и не говорить всего, сам бы скоро понял, – помолчала, – у тебя девушка была?

– Не пойму, ты наугад спрашиваешь, или что-то знаешь?

– Миленький, да по твоему лицу книгу о тебе читать можно. Оно у тебя такое открытое и выразительное, что за тебя страшно.

– Хочешь сказать, что у меня на лице написано, была у меня девушка или нет?

– Конечно. По лицу видно, что ты очень расстроен. И весь день сегодня очень расстроен. А в машине несколько раз меня Тамарой назвал.

– Вот так? Да? – помолчал, – зачем же ты тогда меня сюда привезла?

– Ох, – вздохнула, – детский сад, подростковая группа. Придется пояснять, чтобы ты не подумал, что я первого встречного в постель к себе кладу. Я ведь тебе сказала, что глупостей не делаю. Я тебя, Витя, очень давно ждала. И потерять не хочу. Потому и привела. Понял? А Тамара эта у тебя была. Понял? Бы-ла. Теперь у тебя только я есть.

Варя прижалась всем телом, говорила, жадно целуя ему шею, щеки, подбираясь к губам.

– Как это, теперь? – успел спросить Виктор.

– Витя, ну не заставляй же ты меня признаваться, – уже захватив его губы, жарко шептала Варя, – что у меня голова от тебя кругом идёт. Мальчишка. Я вот понимаю, что нельзя мужику так откровенно признаваться, а ничего не могу с собой поделать.

Больше они уже в эту ночь не о чём не говорили. Да, Виктор, ты в эту ночь стал мужчиной. Ты взял-таки инициативу в свои руки. Ты утомил эту женщину. Через час, или два, она уже спала у тебя на плече, и ресницы у неё вздрагивали, как и первый раз. Только ты этого уже не видел. Ты тоже спал. И сны не приходили к тебе, потому, что руки твои не выпускали из объятий, ставшее близким и желанным, тело женщины.

Проснулся он оттого, что Варя целовала его. Она уже была одета и, присев у кровати на корточки, целовала его. В глазах неподдельная нежность.

– Вставай, Витенька. Быстренько позавтракаем и поедем.

На стуле, рядом с кроватью висела вся одежда сухая и тёплая. Варя её всю ночь на батарее держала. И когда Виктор умылся, оделся и зашёл на кухню, на столе уже стояли чашки с дымящимся чаем и бутерброды. И ещё стояла стеклянная вазочка на не высокой ножке, в которой искрилась горка красной икры. Варя перехватила его взгляд и, с гордой усмешкой вздохнув, заявила:

– Да. Мы, торговые работники, без икорки не можем. Могла бы ещё сёмужкой угостить, но возиться, нарезать времени нет. Обойдёмся икоркой, Витя?

Витя потёр руки и великодушно согласился обойтись икоркой. Чай горячий, ароматный. Виктор такого не пил раньше. Травки, пояснила Варвара. Привораживаю, чтобы крепче любил, посмеивалась. Несколько минут молча жевали, прихлёбывая чай, сооружали друг другу бутерброды, передавали через стол. Молчали и улыбались. Спроси сейчас у Виктора, чего, мол, улыбаешься – не ответил бы. Ему просто хорошо было. И Варя, сидящая напротив, улыбалась ему. Подперев щеку, так что прищурился один глаз, смотрела на него, и улыбалась.

Виктор тоже жмурился от удовольствия и в какой-то момент приоткрыл глаза и увидел вдруг сидящую напротив женщину, с белой прядью седины через всю голову, от центра лба в обе стороны, как усыпанная алмазной пылью корона или диадема. Еще, показалось ему, что по плечам женщины струились складки тяжелой бордовой ткани, над левой высокой грудью схваченные большой брошью в виде летящего человека с обнимающими его крыльями. Брошь явно золотая. Но не на брошь смотрел Виктор. Он видел только глаза Женщины. Взгляд из глубины, необыкновенно добрый, первозданно добрый, на мгновение окутавший Виктора мягким теплом, заставивший его ничего, кроме неё, этой неожиданно, непонятно откуда взявшейся женщины, видеть и слышать. И услышал он в звенящей тишине, нет, почувствовал её голос, сказавшей: «мальчик мой, я нашла тебя». Виктор тряхнул головой, поставил неверной рукой чашку и ..., на него так же, улыбаясь, смотрела Варя.

– Тебе долить? – она взялась за стоящий на столе заварной чайник.

– Да нет, не надо, – отодвинул дрогнувшей рукой чашку.

Показалось, недоспал, решил Виктор. А образ женщины растаял не только в глазах, но и в памяти. Как будто его и не было.

Быстро собирались, одевались, толкались в прихожей. Застёгивали друг другу пуговицы, поправляли воротники, шапки. И не поцеловались. Постояли недолго, держась за руки, и глядя в друг другу в глаза. И не понятно было прощались они, или расставались, зная, что встретятся. Спустились по тёмному лестничному пролёту, держась за руки. За хрипло скрипнувшей дверью подъезда им в лицо и за воротник ветер сыпанул пригоршней морозных игл и, скользя по наметённому за ночь снегу, они побежали к стоящей посреди улицы машине. В тесную кабину грузовичка с крытым кузовом сначала, с помощью Виктора забралась Варя, потом втиснулся Виктор, захлопнув дверцу. Варя поздоровалась с водителем и сказала, что надо заехать в рыбный порт, к главной проходной. Водитель молча кивнул, и они поехали по заснеженным улицам. Всю дорогу ехали молча. Только Варя с водителем о чём-то вполголоса поговорили, но Виктор за шумом двигателя ничего не услышал, да он и не прислушивался. Виктор понял, что это служебная Варина машина. Уже когда подъезжали к порту, Варя сжала ему руку и тихо, на ухо:

– Я с тобой не прощаюсь, понял? Ты запомнил, где я живу?

– Нет, – смутился, – я ведь города не знаю

– Ладно, сама найду. Какой говоришь пароход? «Муром»? Найду.

Подъехали к порту. Виктор выскочил из кабины, оглянулся, махнул рукой и пошёл к проходной. Вчера, когда выходил из этой проходной, он и представить себе не мог, что так всё обернётся, мелькнуло в голове. За спиной заурчал мотором, заскрипел по снегу колёсами уходящий грузовик.

Нет, это только показалось, что он забыл промелькнувший в сознании образ и голос этой женщины с седой прядью, и золотой брошью. Голос её будет возникать в его сознании сопровождаемый звенящей тишиной не раз по жизни. Как правило – в тяжелых, казалось бы, неразрешимых ситуациях. Он не будет давать советов, подсказывать правильных решений. Он будет еле уловимым, как шорох упавшего листа, как дуновение ветерка в открытое окно: «я здесь, будь спокоен». И тогда, где бы он, Виктор, не был, он будет вспоминать и так же на мгновение видеть взгляд этой женщины. И будет приходить спокойствие. А у спокойного человека больше возможности принять правильное решение.

Вот..., такая ночь была..., проплыла желтыми, искрящимися пятнами уличных фонарей, прошелестела поземкой морозной, туманным облаком и растаяла за спиной. Как бы и не было ничего. Ни дня, ни ночи, ни «шартреза», ни удивительной Вари.

Буксиры хрипло покрякивают, туго натянутый швартовый канат на морозе скрипит, под ногами брус причальный гудит, выскальзывает из под сапог. Виктор, засунув руки глубоко в карманы, почти бежит по причалу к «Мурому». Никогда еще его не тянуло так на свой пароход, в свою каюту. Где все знакомо и понятно, где стены, переборки многие месяцы отгораживали от любых невзгод: непогоды и тяжелой вахты, дурного слова и тяжелых мыслей. Стоит войти, поставить любимую пластинку, лечь на диван и....

Глава четвертая. Исход

На крутом обрыве берега бескрайнего моря, на громадном черном, отшлифованном ладонями титанов утесе две неподвижные фигуры. Высокие, статные мужи в белых одеждах стоят лицом к искрящейся глади моря, а за спинами их высится Капище, от ворот которого к месту, где стоят двое, ведёт извилистая, едва различимая среди камней и мхов тропинка из плоских плит и округлых глыб цвета такого же черного с синим отливом.

Низкое солнце в это время года ходит здесь над горизонтом примерно на одной высоте, и только своим положением относительно направления на гору Меру указывает на время суток, утро теперь или вечер. Облака, заполнившие часть неба вокруг плывущего над морем солнца, создали причудливую картину небесного царства с горами, долинами и сказочными городами, увенчанными клубящимися изменчивыми куполами. Низкое, но яркое светило окрасило небо и облака, на первый взгляд, всего тремя красками: оранжевой, бирюзовой и белой. Но стоит присмотреться и видно в движущихся небесных картинах оттенки розового, голубого, желтого – и искры серебра и золота.

Двое не скрывают того, что любят красотою божественного действия, превращающего окружающий человека видимый мир в сказочные картины. Блики золота играют на поверхности моря и округлых глыбах прибрежных утёсов. Белые одежды мужей резко контрастируют своей чистотой с окружающим буйством красок.

На плечи их наброшены одинаковые длинные, до земли плащи. Только у одного из них, что ростом едва заметно выше другого, на лбу, стягивающий волосы цветной кожаный ремешок со сверкающими в нем золотыми нитями. Нет ветра, и над миром стоит тишина. Изредка, едва слышно, издалека и внизу доносятся крики чаек.

Возраст мужчин определить сложно, фигуры их по-молодому прямые и статные, лица чистые и мужественные. Разве у того, который ростом чуть выше, белые с серебром пряди на висках и за ушами. Он первый нарушает молчание.

– Ты должен..., всё это..., тоже должен запомнить.

– Что, это? Ты привел меня сюда говорить загадки?

– Нет, сегодня мы будем говорить только о важных делах. А запомнить я прошу тебя то, что ты видишь сейчас перед собой.

– Отец, но я вижу это каждый день. Неужели ты думаешь, что грядущие тяжелые времена изменят мир так, что не будет солнца? Как может Страна Солнца существовать без своего главного божества, своего Хранителя Жизни?

Некоторое время они молчат. Продолжил тот, кто говорил последний.

– Отец, имя твоё Родан Великомудрый. Я понимаю, что ты пришёл сюда со мной, оставив свои не терпящие отлагательства дела, не для того, чтобы любоваться красотой моря и солнца. Я горд тем, что стою рядом с тобой. Говори, я буду внимательно слушать тебя.

– Да, я буду говорить, а ты слушай... и запоминай. Теперь, пока мы еще все вместе и не начался Великий Исход, твоё дело слушать и запоминать. Слушать... и запоминать, – чуть улыбается.

Муж, названный Родан Великомудрый, начинает говорить и с каждым словом с лица его уходит улыбка, в глазах гаснут искры. Говорит медленно, не громко, останавливаясь, как будто давая собеседнику возможность запомнить не только сказанное, но и обратить внимание на интонации беседы. Он использует знания о внушении и убеждении.

– Мне очень хотелось побыть с тобой наедине. Ведь я последнее время не мог себе это позволить – уединиться. А здесь так хорошо, – он раскинул руки, будто хотел обнять весь окружающий мир, – итак, мне говорили, что в детстве ты был старательным слушателем Бесед. Ты посещал Школу Аполлона,... много преуспел в овладении своим телом и духом. Но меня

больше интересует, ... что ты запомнил из того, что говорил тебе во время последних ваших встреч Лан Хранитель?

– Мы говорили о многом, Отец. Но, я не помню, чтобы он просил, или требовал от меня что-то запомнить. Мы проводили время в беседах. О многом.

Теперь Родан Великомудрый неотрывно смотрел в глаза сыну, и видно было, что он старается увидеть в глазах его что-то, о чём тот не говорит ему.

– Продолжай. Я слушаю тебя внимательно. Итак, ты хочешь сказать, что не всё помнишь из того, что тебе говорил Лан?

– Нет, я не так хочу сказать. Я думаю, что если я постараюсь, то многое вспомню. Ты этого хочешь?

– Мне это не нужно. Я хочу убедиться, что ты с большой ответственностью отнесся к беседам с Ланом.

– Да, я знал, что он беседует со мной по твоему поручению. Этого от меня никто не скрывал. И я старался быть очень внимательным и выполнять всё, что он мне поручал.

– Теперь подробнее. Что он тебе поручал?

– Простые вещи. Были темы в разговоре, которые он советовал мне обсудить с Оляной. А иногда предлагал мне прийти к нему на беседы с ней. И мы втроем обсуждали разные темы.

– Значит он счел необходимым посвящение этой женщины... Это ведь мать твоих детей?

– Да.

– Они живут в твоём жилище?

– Да. Ты это не одобряешь?

– Дело уже не в моём одобрении, Орлин, – отец первый раз назвал его по имени, – тебе достаточно рядом одной женщины? Вы останетесь вместе?

– Когда она рядом, мне никто больше не нужен. Что будет дальше – мне не ведомо. Хотя, я чувствую, что поступаю правильно.

– Ещё совсем недавно такой ответ показался бы мне странным... и не убедительным., – тихо, для себя произнёс Родан, – но пришли новые времена, и, ... и я уверен, что понимаю тебя.

Трудно сейчас сказать, как долго стояли на том утесе отец и сын, как много ещё поведал Великомудрый своему последователю. Они стояли, иногда медленно ходили вдоль обрыва, иногда замолкали, задумываясь, сознавая важность беседы. И любовались красками моря. Задумавшись, глядя за далекий горизонт, будто разговаривая с самим собой, Родан продолжил:

– И ещё я тебе скажу. Твердо верь своему предчувствию. С нынешнего времени и навсегда... Оно, твоё предчувствие, будет тебе, и следующим за тобой людям, указателем правильного пути. Твоё предназначение, и предназначение следующих за тобой, будет – сохранение жизни. Сохранение знаний, и накопление новых знаний. Ты и твои потомки будут избранными хранителями жизни на летящей в безграничном пространстве живой матери, имя которой будет – Земля. Твои потомки будут жить среди грядущих поколений, как равные среди равных, ничем не отличаясь от них, ни лицом, ни телом. И только исключительную мудрость и тайные знания будут скрыто нести они в себе, передавая их из поколения в поколение. Это, скрытое в них, будет помогать им узнавать друг друга, держаться вместе, и вести за собой непосвященных собратьев.

Последние слова Родан Великомудрый произнёс торжественно и одновременно грустно, глядя прямо в глаза сыну. В небе над ними послышался трубный глас стаи лебедей. Оба, подняли вверх руки, как будто сами хотели взлететь. Но они только поприветствовали священных птиц, затем из под козырьков ладоней проводили взглядами уходящую в сторону моря стаю.

– Вожак всегда, с рождения, знает, куда надо держать путь. И стая верит ему и следует за ним, – произнёс Орлин.

Родан Великомудрый одобрительно кивнул, как бы заканчивая одну часть разговора. Помолчали. Глядя вдаль, он продолжил:

– Я невольно повторяюсь, но скажу, что за грядущей бедой, что произойдет за тремя морями, к нам, на нашу землю придет сезон холода. Такого холода, к которому наш народ не готов. Как только солнце станет покидать нас, придут холода, каких мы никогда не знали. Мы уйдем, и будем расселять людей там, где решат старейшины, на землях, где укажут им Боги. Но эту землю нельзя оставлять совсем. Это уже решено окончательно, – Родан поднял руки так, как будто вновь приветствовал стаю лебедей, – на тебя пал почетный выбор, сын мой – ты остаешься. Тебе придется привыкать к новой жизни и учить своих людей. Сколько с тобой остаётся мужчин и женщин, ты знаешь?

– Да. Семь мужчин и двадцать одна женщина по решению Совета. Остальные приняли такое решение самостоятельно. Сколько их, я ещё не знаю. Эти, последние с детьми.

– Они знают, что их ждёт?

– Да, я с некоторыми из них говорил.

– И никто не отказался от своего решения после разговора с тобой? Или ты не старался быть убедительным?

– Я старался быть правдивым, – глянул в глаза Родану.

– Хорошо. Мы с тобой говорили о беседах с Ланом Хранителем. Я уверен, что ты понял, что это была не только передача тебе нужных знаний по устройству новой жизни. Он передавал тебе то, что мы называем – Знания, – Родан поднял раскрытую ладонь и провел по ней пальцем другой руки, как будто записывал на ней тайные знаки. Ты мог этого не заметить, но твоя сущность уже приучена получать их.

Замолчал Родан Великомудрый, устремив взгляд в сверкающее золотыми огнями море. Молчал и Орлин, понимая, что самым важным сейчас является все, что скажет его отец. Наконец Родан повернулся к Орлину и улыбнулся.

– Ну, чтож, я подведу итог нашей беседе. Наш народ всегда жил легко и жизнерадостно. В этом нам помогали наши Боги. А связывали нас с Богами те Знания, о которых мы с тобой уже долго говорим. Ты это хорошо знаешь. Великий Исход должен разнести нас по всем Подсолнечным землям. От той, на которой мы с тобой стоим, до земель, куда долетал Солнцебог Аполлон. И тебе и всем нам в этом будут помогать Знания. Им мы будем учить избранных. А «избранные», подчиняя своей воле народы тех земель, среди которых они окажутся, будут направлять их жизненные устремления во благо их и по законам Богов. А Знания станут Тайными Знаниями, потому, что будут принадлежать избранным. Тебе предначертана самая тяжелая стезя – остаться там, где очень скоро будет только безжизненная ледяная пустыня. Но ты освоишь её. Ты исполнишь своё предназначение. Приходит время мне гордиться тобой, сын.

Родан Великомудрый положил свою правую руку на правое плечо сына и замер, глядя ему в глаза.

– Я вижу..., я вижу – ты исполнишь свое предназначение. Я вижу... вижу многочисленных наших потомков... многие горести и радости ждут их...

Орлин молча смотрел в глаза отцу. Он боялся пустым словом разрушить замок речи Родана Великомудрого.

Они уже шли по тропинке в сторону Капища, когда Родан, усмехнувшись, сказал:

– Я могу тебе сказать, как через многие тысячи Солнцестояний будут называть наш народ. Хочешь это знать?

Орлин остановился от неожиданности.

– Как?

– Гипербореи.

Странное слово на незнакомом языке.

– На незнакомом? – улыбнулся мыслям Орлина отец, – на этом языке будет говорить большая часть наших потомков.

Глава пятая. Сергей Корольков – потомственный рыбак

Уйти утром с парохода быстро, как планировал, Сергею Королькову, третьему штурману БМРТ «Муром» не удалось. Сначала сменщик, друг Витя подвёл, задержался. Потом капитан, рано пришедший на борт, задержал, разбирался с его, Серёгиными делами. Но у Сергея всё было в порядке, и разговор был не долгим. Но то, что капитан потребовал ускорить сдачу на корректуру карт, Сергей уловил. Его опыта хватило, чтобы понять к чему такая оперативность. Спрашивать об этом у кэпа не стал, знал его поморский замкнутый нрав. Надо будет – сам скажет. А так, глядишь, оценит молчаливое взаимопонимание. А что понял Сергей? Да что стоянка короткой будет. А какой рейс будет и куда, он, опытный третий штурман поймёт по тому, куда ему в корректуре, у капитана порта карты выдадут, в какой район промысла. Остальное понять не трудно. И по району промысла Сергей поймёт, на какой срок в рейс уйдут. В Баренцево море, например, больше чем на три месяца не ходят. На Лабрадор – не менее четырёх. А уж на Патагонию, к Южной Америке – это верных полгода. Вот такие расчёты, не сложные, но для знатоков. Долго это в тайне храниться не будет, не сегодня, так завтра все, всё будут знать. Такова жизнь портового города. Везде родственники, друзья, друзья друзей. Иной бич тебе расскажет, какие подъемы трески были в последние дни на Медвежьей банке, какой промысловик возвращается в порт сегодня, кто завтра. Так что Серёга ни мало не удивился бы, случись ему, подойдя к дому, услышать от идущей навстречу соседки: «что, Сергуня, слышала, что твой „Муром“ снова в теплые моря собрался?» А что? Всё может быть.

Сменять его, по заведенному на флоте порядку должен был второй штурман. Но второй, по-видимому, отпросился у капитана на срочные отгулы и исчез из поля зрения, и четвертого штурмана, Витю Мороза, обязали стоять за него вахту. За долгий рейс Виктор хорошо зарекомендовал себя, кэп ему доверял.

Когда в каюту вошёл Виктор, Сергей уже был готов. Быстренько доложил сменщику обстановку, захватил с собой двух матросов, загрузились штурманской поклажей, и направился в службу капитана порта. Здесь у него быстро всё приняли, а пошептавшись со знакомыми, Сергей разузнал, всё, что хотел. Выяснилось что-то неопределенное. Им готовили карты всего Баренцева моря, побережья Северного моря, проходные через Атлантику и все побережья Северной Америки, от Лабрадора до Саргассова моря. Вот тебе и информация к размышлению. Если в оба района за один рейс, значит рейс долгим будет, не менее четырех месяцев. Это хорошо. Потому, что рейс больше трех месяцев – гарантирует заход в иностранный порт. Вот бы в Норвегию зайти, вот было бы здорово.

Давно обещал своей Татьяне плащ «болонью» купить, а старшему сыну свитер норвежский, настоящий с оленями. Да и вообще Норвегия – это было бы не плохо. Серьёзная страна. Не то, что страны «третьего» мира. Они вот в прошлом рейсе в Уругвай заходили, в порт Монтевидео. Какие надежды были, какие планы! Всё-таки другой континент, южное полушарие, экзотика.

Они уже больше трех месяцев без берега были. Рыбалка, правда, хорошая была, подъемы тралов с рыбой большие, цех еле справлялся. Каждый день подвахта. Это, когда все, свободные от основной вахты, включая комсостав, выходили на вспомогательные работы, на палубу и в рыбцех. Рабочий день у всех получался от двенадцати до четырнадцати часов в сутки. И без выходных! Ну, кто в таком случае не желает отдохнуть?

И вот им «добро» на заход в порт дали. В Монтевидео. Да заход не простой, а коммерческий. Поручалось им для себя и ещё для нескольких судов, работающих на промысле, харчей иностранных купить. Кэп на мостике проговорился, мол, работы невпроворот. С советским

торгпредством общаться, в банке деньги получать, с разными торговыми агентами встречаться. Чувствовалось, что старого рыбака, перепавшего тралами и сетями все Баренцево море, от залива до кромки льдов, но за границу попавшего в своей долгой морской жизни в первый раз, сейчас распирало от этой почти государственного масштаба ответственности. И, обычно замкнутый, неразговорчивый моряк смачно обсудил это событие с помполитом на мостике в присутствии вахтенных.

Траулер уже снялся с промысла и шел в сторону берега, но никто, ничего не знал. Мало ли что, может район промысла меняем. Конечно, после этих откровений кэпа, вахтенные, не связанные обязательствами молчать, сразу же после вахты небрежно поделились новостями с экипажем. Вот радость то была! Все кинулись мыться, стираться, наглаживаться. Как только эта суэта началась, по трансляции уже официально объявили о предстоящем заходе и начались инструктажи. Народ начал планы строить. И Сергей в том числе. А главное что? Все начали предполагаемую зарплату считать. Из неё ведь коэффициентом часть инвалютой заплатят. А уж в порту, сами понимаете, не до экскурсий будет, вся команда по магазинам рассредоточится.

Ну и что? Пришли в порт Монтевидео. А там, на улицах, видите ли, беспорядки. Демонстрации какие-то. Что там советскому человеку делать? Оказалось – нечего делать. И никого в город не выпустили. Только по территории порта разрешили погулять. Ноги размять. И, что обидно, это ведь не власти местные запреты учинили. Им, властям, глубоко начхать на нас в это время было. Это свои, своё руководство.

Пришла машина прямо к борту судна, в неё наш капитан с помполитом сели и умчались. Люди, что в машине приезжали, тоже русские были. Они выходили из машины, пока ждали наших отцов-командиров, и по-русски балаболили. С моряками нашими не разговаривали, а больше между собой. Через некоторое время наших назад привезли и быстренько умчались. А к борту потом подъезжали грузовики с продовольствием. Продукты перегрузили на борт, а мы отдали концы и в море. Прощай Уругвай, страна неведомая. Ох, как обидно было! А валюту то всё-таки выдали! На всякий случай, получается. В банке её, значит, приготовили, не знали какой фортель выкинут советские моряки. На этих воспоминаниях Серёга вздохнул, он ведь тогда тоже планы строил. Хотелось ему привести своим что-нибудь из Южной Америки. Аж из! Не вышло.

На территории порта ничего кроме пивбаров не оказалось. И моряки здесь же, в этих портовых забегаловках, всю свою валюту и спустили, до последнего сентесимо. Моряки, после долгого промыслового поста пьянели быстро, поэтому набрались так, что придя на борт, упали и проспали до промысла. Надо признать, правда, что никто никого не тронул и не наказал за непотребное поведение в иностранном порту. Даже помполит промолчал. Ещё бы! Уж точно, не без его участия этот запрет произошел. И нечего было потом на наше консульство кивать. Договорились даже до того, что будто бы из Союза радиogramма специальная была. Не выпускать, мол, никого в город, пока беспорядки не утихнут, иначе может произойти политическая провокация. Советских моряков, значит, могли втянуть в политическую провокацию. Ё моё. Кому мы там нужны были? Это, конечно, свои перестраховались. Хотя..., черт его знает. Может и была такая радиogramма? Может действительно..., там виднее? Контора, она пишет.

За этими мыслями Сергей не заметил, как оказался на «пяти углах». Постоял, решая. Ехать домой – там уже никого нет. Жена, по времени, уже развела детей. Старшего сына в детский сад, дочку отнесла к Сергеевой тетке, которая жила через два дома, нянчилась, за условную плату, с младшенькой Танюшкой. Сергей сам назвал дочку именем жены – Таня. Жена у него – золото. И сейчас он пойдет к ней на работу.

Работает его Танюша в магазине «Мелодия». Музыкальная у его жены работа, почти по специальности. Она окончила музыкальную школу по классу баяна. Этот баян и помог им познакомиться. У Сергея в мореходке концерт был, и Таня там со своим номером выступала.

«Полет шмеля», будьте любезны, исполняла. Пальчики у этой девченки-виртуоза по клавишам мелькают, под баяном на коленках коврик красивый с бахромой, а на глазах челка в такт музыке пляшет. Сергей во время концерта с задних рядов на первый перебрался, кого-то не то уговорил, не то вытолкал и сел на его место, глаз с Татьяны не спускал и громче всех хлопал. После концерта, как заведено, танцы. Перед танцами Сергей помог Танюше баян отнести в аудиторию, куда весь инструмент сносили, и на все танцы он её, можно сказать, ангажировал. В конце вечера, теперь уже на законных основаниях кавалера, он баян до автобуса отнес. Все музыканты уехали, а они с Таней пошли по городу бродить. Сергей её домой провожал. Вот, с этого дня и до самой свадьбы провожал.

Ухажеры у Тани периодически появлялись, девчонка ведь видная. И в музыкалке ребята её обхаживали, и школьные, и дворовые парни. Отваживал их всех Сергей сам. Кого убеждением, кому пришлось жёстче пояснить. Всё было. А Таня никого от себя не гнала, она наблюдала, как Сергей своё право на неё отстаивал и, кажется, получала от этого удовольствие. И, конечно, он с каждым «отваженным» кавалером в её глазах рос. Сергей не был красавцем, но отличался особой мужской статью, был подтянут, щеки «кровь с молоком», волна тёмных, мягких, зачесанных назад волос. Форму, в отличие от многих, Сергей особенно не перешивал в угоду гражданской моде. Не зауживал брюки, не укорачивал гюйс, остроносых туфель не носил. Он подгонял под свою коренастую, но стройную спортивную фигуру форму и носил её с достоинством моряка, всегда чистую и выглаженную. Так что, если такая девчонка, как Татьяна на него глаз положила – значит было на что класть.

Родился Сергей в семье моряков. Потомственных мурманских рыбаков. Отца и деда он знал, о прадедах слышал. Все у моря обитались и кормились. И дед, и отец его, рыбачили в этих морях с малолетства. И войну, свалившуюся им на голову немецкими пикировщиками, не только с земли, но и с палубы наблюдали. Война, штука страшная, а здесь на севере она по-своему жуткой была. Караваны с грузом помощи от союзников немцы встречали в открытом море и бомбили, и торпедировали, одним словом топили. Караванами топили. Одни страшно гибли в холодных северных водах, а у тех, кто выжил и видел весь этот ад – белели головы и на всю оставшуюся жизнь тлел в душе уголёк ужаса.

Деда война покалечила. Его мотобот немцы разбомбили у побережья Рыбачьего. На плавающих обломках он и ещё двое матросов добрались до берега и несколько часов бродили по сопкам, пока не наткнулись на красноармейцев. Обмороженный, он потерял обе ноги и до конца жизни уже провел дома, выползая изредка на крыльцо барака покурить и покалякать с соседями. А внук начал знакомство с морем по рассказам деда. Из-за своей неподвижности дед стал хорошим рассказчиком и баловал внука морской «травлей». Умер он, когда Серёге было лет семь.

Отец войну тоже в море провел. Его рыболовный траулер, а таких было несколько, всю войну, несмотря на налёты вражеской авиации, продолжал промышлять рыбку в Баренцевом море. Стране нужна была рыба. И эти промысловики, вооруженные лёгкими зенитками, на свой страх и риск выходили в море, тралили рыбку, перевозили людей и грузы на Рыбачий, и огрызались своими зенитками от немецких крылатых «охотников» за лёгкой добычей. Прошел всю войну без царапинки, но повидать пришлось сверх всяких человеческих возможностей. Пришлось им однажды выходить из Кольского залива навстречу каравану и спасать людей с торпедированного английского транспорта.

Не любил отец такие эпизоды вспоминать. Уже не за долго до смерти отца, в начале шестидесятых Сергей такой случай запомнил. Купили они телевизор. Как рады были старики, ведь в то время телевизоров ещё не у кого не было. В тот раз показывали хронику военных лет. Показывали те самые страшные эпизоды с караванами судов, идущими к нам в Мурманск из Америки. Мать уже совсем больная была, лежала на диване, не вставала. А отец сидел с ней рядом на стуле. Толи рассказывал ей что, толи газету ей читал. И вот, как эту самую хронику

стали показывать, они повернулись к телевизору и стали смотреть. А на черно-белом экране беззвучно между идущими судами фонтаны взрывов встают, огромный, на весь экран взрыв взметнулся на палубе одного корабля. Один, другой. Видно с самолета попали прямо в идущий транспорт. И вот уже из воды, медленно погружаясь, как игрушечная торчит корма транспорта. А вокруг, мелкими букашками барахтаются в воде люди. На другом кадре матросы, тоже беззвучно вверх из пулеметов стреляют. А над ними черными тенями проносятся самолеты. И снова борт тонущего судна, и люди, уже совсем не игрушечные барахтаются в черной масляной воде. И тишина, даже комментатор молчит.

Сергей помнит, оглянувшись на отца, а тот сидит, локти на коленях, голову руками обхватил и плечи вздрагивают. А мать с дивана потянулась, руку ему на голову положила, и тоже не на экран, а на отца смотрит. И оба молчат. Сергей тогда подскочил и телевизор выключил. Никто ему тогда ничего не сказал, и как будто этого эпизода и не было. Никто об этом ничего не говорил и не вспоминал. А Сергей запомнил.

Отец после войны еще рыбачил. Столько, сколько здоровье позволило. На том же траулере РТ «Краб», на котором и войну прошел. Рыбу промышляли везде, и в заливах, больших и малых, и вдоль побережья, и вокруг Рыбачьего. Рыбы после войны много было. Сказалось отсутствие многолетнего промышленного промысла. А Сергей, сколько себя помнит, старался к отцу на пароход попасть. Постарше стал, стал с отцом в море уходить. Ну не совсем, скажем, в море, но по Кольскому заливу ходил. В те годы треску, пикшу, да и сельдь в заливе брали.

Помнит, как однажды белой, летней ночью их РТ посреди Тюва-Губы на якорь стал. Там всегда база промвооружения была, тралы, сети дрейфтерные чинили, или новые получали. Помнит всё, как на картинке, штиль полнейший – зеркало, и тишина. В поселке на берегу доска скрипнет – над водой все слышно. Сопки в розовой дымке в зеркало залива вместе с редкими тучками смотрят. Чайки бесшумно над водой скользят. Какая птица вдруг резко, гортанно вскрикнет, камнем упадет на воду, выхватит рыбку в одно касание и взмахом крыльев уйдет в высоту. А на воде долго круги расходятся. Черные и золотые круги. И опять тишина и зеркало воды. С той стороны бухты, где посёлок стоит весь берег сетями завешен. У причала два-три суденышка без огней, а на сопке в поселке одинокий непогашенный фонарь в пятне золотой дымки.

А почему он тогда эту ночь запомнил? Мужики, и он малец с ними, с борта простой снастью треску ловили. Снастью был тонкий рыбацкий шнур в два-три десятка метров длиной, с поводком из тонкой стальной проволоки на конце, к которому было прикреплено свинцовое грузило с самодельным крючком. Лов заключался в забросе снасти и нескольких подсечках. И огромная рыбина до метра длиной вытаскивалась на борт. Через планширь эти «полена» перетаскивали вдвоём. Несколько бочек пластанной трески тогда засолили. А на камбузе первый улов жарили на огромных противнях. Громадные куски белого мяса. Ох, какая вкусная еда была! Ничего вкуснее он, пожалуй, больше в жизни не ел. Горячее пирожное. С чем это ещё можно было сравнить? Конечно, вкус этот запомнился вместе с белой ночью, зеркалом воды и тишиной.

Далеко в сторону разговор наш ушел. А был он о том, что Татьяна в Сергее нашла. Ну, не романтика, во всяком случае, каких много вокруг было. Сергей был не из тех, кто мчался «за туманом и за запахом тайги». Он уже в мореходке отличался от других ребят серьёзностью и обстоятельностью. Особенно это было заметно в учебе. В морском деле, да и в других специальных предметах для него мало тайн было. Казалось, он просто доучивался, закреплял свои знания. Получал он эти знания, зная, зачем они ему и когда он их применит. Вот такой пример.

У его деда нет, а у отца его уже были тетрадки с промысловыми записями. Для настоящего промысловика эти записи – чистое золото. Велись они не как судовой журнал, а, скорее, как дневник. Каждой тетрадки на год хватало. А уж в ней записывался день, месяц, примерные часы лова, а то и просто «утро»..., или «вечер»..., или «после полудня». По всякому.

Записывалось, что в этот день промышляли, какими снастями. Какая ячея у снастей, какая рубашка в трале. Погода, откуда ветер дул, скорость. Обязательно давление. Точные координаты места лова редко писали. Запись была такого характера: «банка такая-то, с юго-западного склона с глубины такой-то на циркуляции поставлен трал и курс траления такой-то. Время траления, в конце улов в килограммах. По территории эти записи покрывали все Баренцево море, восточную часть Северного и часть Карского моря. А по времени они велись без малого тридцать пять лет с перерывом на войну. Те, кто понимает, о чем речь, оценят это боргатство.

Вместе с отцом, основательно, Сергей стал просматривать эти записи, когда в мореходку поступил. Отец воспринимал это как должное, и вместе с Сергеем просиживал над тетрадками, уточняя, вспоминая детали и делая выводы, которые они записывали уже в новую тетрадь. Эти же выводы Сергей умудрялся записывать в свои конспекты, которые вел на лекциях в мореходке. Старика-преподавателя он не раз ставил в тупик своими вопросами. А когда тот, случилось, заглянул в конспект любопытного курсанта, то после минутного рассматривания необычного конспекта попросил дать его для тщательного, как он выразился, изучения. Изучил. Всю «пару», дав курсантам какое-то задание, он сидел у себя за столом, уткнувшись в Сергееву тетрадь. А на перемене, отдавая её, сказал, что ставит ему «отлично» за всю программу, включая диплом. Сказал: «ты, Корольков, нос не задирай, но я уверен, что из тебя выйдет настоящий промысловик, и я вижу в тебе будущую гордость советской рыбной промышленности». Так и сказал. Вот, такого парня выбрала Татьяна.

Глава шестая. Серёгино счастье

Сергей толкнул дверь магазина и окунулся в тепло и музыку. Нравилось ему сюда приходить. Таня работала здесь уже давно, пожалуй, сразу после того, как они поженились. Здесь всегда было шумно, весело и интересно. Большая часть посетителей – молодежь, и сейчас Сергею пришлось дожидаться, когда от прилавка Татьяны отойдет шумная стайка девчонок. Те долго что-то выбирали, хохотали и так же шумно ушли к кассе. А Сергей, не вынимая руки из карманов пальто, лег животом на прилавок и потянулся к жене. Таня сделала тоже самое, и они чуть не столкнулись носами.

– Прилавок раздавишь, Сергуня! Чего улыбаешься? Дома был? Нет? А я пораньше встала, картошечки с грибами нажарила мужу, платком сковородочку накрыла. Чтобы теплая была. А ты здесь!... Ну, чего молчишь то?... скажи, что соскучился. Рот до ушей, хоть завязочки пришей.

– Ага! Соску-у-чился, Тань! – замотал головой и закрыл глаза.

И вдруг, перегнувшись вновь через прилавок, посерьёзнев, зашептал, насколько позволяла гремящая из всех углов магазина музыка:

– Слушай, Танюша, а может ты придумаешь что-нибудь? Может тебя кто подменит? Поехали домой? А?

И видно глаза у Сергея были такими, что Татьяна, замахала на него руками, потом сделала серьёзное лицо и, тоже наклонившись к нему, зашептала:

– Сергуня, сумасшедший, ну подумай, что ты говоришь? Ну как это можно?

– А вот так. А то, что мы полгода друг друга не видели, это что-то значит, или нет? У твоих подруг, – он кивнул в сторону работавших за соседними прилавками девушек, – мужья где работают?

– Ну, одна еще не за мужем, – наморщила лоб и посмотрела в сторону свих напарниц, – а вторая молодоженка. Совсем недавно за моряка замуж вышла.

Таня опять наклонилась через прилавок к мужу и зашептала, косясь на стоящую за поворотом прилавка девушку.

– Ты знаешь, мы с ней даже подружились. Хорошая девчонка. Приехала откуда-то с юга. Кажется из Ростова. Слышал о таком городе? Приехала и сразу здесь вышла замуж. Представляешь? Или он её привёз? Вот не помню, говорила она или нет. А он у неё капитаном на буксире работает, это точно. Ты понял? Молодой и капитан? Может такое быть? Я его видела, он приходит за ней вечером, встречает. И они вместе домой идут. Если бы ты знал, как завидки берут. А смотреть на них приятно. Он у неё видный и заметно, что обходительный такой...

– Так, Тань, не тарахти. Ну, на хрена он мне сдался? Обходительный, видный. А у тебя муж какой? Не видный?

– Конечно не видный! Полгода не видела, это как? – Таня взяла его за отвороты пальто и трянула своей неповторимой челкой, – Сергуня-я! Да ты у меня самый-самый, – оглянулась.

Рядом с ними стоял мужчина в запорошенной снегом шапке и, деликатно покашливая, смотрел в стону. Поняв, что на него обратили внимание, спросил:

– Мне бы эту, ну знаете? Жил да был черный кот за углом..., – попытался запеть не громко.

– И кота ненавидел весь дом? – улыбнулась, кивнув Таня, – были, еще вчера были. Но уже все разобрали. Приходите через недельку, у нас завоз нового товара будет. Да не расстраиваетесь вы так. Хотите, если завезут, я вам оставлю. Одну?

– Как это вы мне оставите? Вы что, меня знаете?

– А зачем мне вас знать? – улыбаясь, пожала плечами и, мельком взглянув на мужа, заявила, – просто вас легко запомнить. У вас вон усы рыжие.

– Хм. Ну-ну, – тронул рукой усы и, направляясь к выходу, обернувшись, заявил, – если можно, конечно оставьте. Я обязательно теперь загляну.

– Сергей! – Таня уперла руки в бока.

– Ну, что Сергей? И часто эти рыжие усы музыкой интересуются? Мне теперь что, тоже в порт идти на буксир работать?

– Мялки-моталки! – Татьяна всплеснула руками, – ну вот так тебя точно оставлять нельзя. А ну подожди, Отелло несчастный.

Таня заглянула за соседний прилавок, пошептала с напарницами и не на долго исчезла в служебных помещениях. Вышла уже одетая в пальто, с наброшенным на плечи платком. Что-то быстро собрала у себя на прилавке, куда-то рассовала и только потом подняла голову и заглянула Сергею в глаза.

– Ну что, пошли?

Спросила и, увидев в глазах мужа веселые искорки, засмеялась и выскочила из-за прилавка. Тесно схватив друг друга под руки, они поспешили к выходу. Стояли на остановке, ехали в автобусе и бежали к дому, так же тесно прижавшись и держась за руки. Разговаривали нос к носу, дышали, согревая друг другу лица. Сергей даже умудрился несколько раз чмокнуть жену в холодный кончик носа. Когда ехали в автобусе вдруг почему-то вспомнил.

– А что это ты про девчонку напарницу из Ростова говорила?

– За какую? Ту, что муж встречает? А что я говорила?

– Да просто интересно, как её звать.

– Зачем?

– Любопытно.

– Тамара.

– Надо же, попал. Я загадал.

– Что ты загадал? Что-то ты темнишь, родной.

– Да вот, интересно получается. У нашего четвертого штурмана в Ростове невеста – Тамара. И эту, твою из Ростова, и тоже Тамарой зовут. Только вчера её вспоминали, а тут ты напомнила. Совпадение, – махнул рукой, – хотя, ты знаешь, завтра подшучу над ним. Скажу, пока ты здесь решаешь, женится тебе или не жениться, она уже в Мурманске. Замужем, да? Вот хохма будет.

Посмеялись и забыли. Своих проблем море. Вот пришлось сказать о своих подозрениях по поводу короткой стоянки. Это значит, что с хозяйскими делами поторопиться надо. А они с Татьяной так любят ходить вместе по магазинам, делать покупки. Планировать ремонты в квартире, перестановки. Заговорились, не заметили, как доехали.

Живут они в поселке Роста, что на северной окраине Мурманска, в старом, черном бараке, из каких и состоит этот поселок. Здесь жили ещё родители Сергея в одной комнате барака. А когда уже родился Сергей, и часто болела мать, каким-то чудом им удалось занять освободившуюся рядом комнату, а из коридорного закутка пристроить рядом кухоньку. Получилась замечательная, по тем временам, двухкомнатная квартира. Которая и досталась после их смерти молодым. В Управлении, куда Сергей попал по распределению после мореходного училища, его поставили на квартирный учет. Но на «улучшение жилплощади». И предупредили, чтобы не очень рассчитывал на скорое решение вопроса, поскольку в очереди на жильё по многу лет стоят работники, совсем не имеющие жилья.

Сергея с Таней это не пугало. Они были молоды и счастливы. Сверстники, приходившие к ним в гости, им по-хорошему завидовали, а жильё их называли «ледяным дворцом». Потому, что зимой, в сильные морозы окна изнутри промерзали и стекла превращались в ледяные блоки. Но это была сущая ерунда для ребят.

Выйдя из автобуса, они по обледенелым, местами занесенным снегом, деревянным тротуарам, скользя и поддерживая друг друга, побежали к своему дому. Здесь, на окраине города

мела настоящая метель. Редкие фонари, не давая никакого света, только обозначали направление улиц, качаясь светлыми пятнами от порывов ветра. А тротуары вдоль домов освещали редкие лампочками над входными дверями, да низкие окна, в которых в долгие полярные ночи не гас свет. Уже не первый день небо было затянуто тучами, и непрерывно шел мелкий, с поземкой снег. Хмурое небо не пускало короткий, на час-полтара блеклый рассвет.

Молодые быстро добежали до своего барака. Вход в их дом был с крыльцом и невысокими, очищенными от снега ступеньками. Под козырьком навеса горела неяркая лампочка. У дверей, прислонившись к столбу навеса, стоял сосед пенсионер Яков Петрович, в накинутах на плечи полушубке, и курил.

– Петрович, ты чё? В коридоре покурить нельзя, что-ли? Бабка заругает?

– О! Серёга! С приходом тебя! А кто это мне запретит? Нет, здесь воздух чише. А тамочки керосином воняет, – сосед покачулся, притопнул короткими валенками, как шаркался, – Что Танюха, встретила моряка? О! То-то же! Теперя работу по боку, детей по соседям, а мужа в койку. И чтобы два дня носу не выказывали. Вот так!

– Это почему два? – Сергей задержался в дверях.

– А на вахту? О! Думаешь я совсем службу забыл? А-а! – дед хлопнул себя по ляжкам и засмеялся тихим, хриплым смехом.

– Ладно, дед, не охальничай. Жену мне вон в краску ввел, – Сергей подмигнул соседу и захлопнул дверь.

По длинному коридору, с тусклым светом закопченных лампочек, со скрипучими полами, пропахшему смешанными ароматами квашеной капусты, соленой сельди, керосина и табака, они прошли к своей двери, и Сергей завожился с ключами.

– Дай сюда, – Таня тихо засмеялась, отобрала у него связку, – совсем отвык от дома.

– Тань, неужели и ты так спешишь? А я думал, что только мне невтерпех.

– А я, по-твоему, что, не живая? – почему-то шепотом удивилась Татьяна.

Только верхнюю одежду хватило терпения молодым супругам повесить на закрепленную у дверей вешалку. Промерзшую обувь сняли уже в комнате. Сергей стаскивал с ног Татьяны тесноватые бурки и, обняв её ноги, грел дыханием замерзшие коленки. Таня повизгивала от удовольствия и, наклонившись, целовала мужа в макушку. В спальню он её отнёс, продолжая раздевать. Одежда падала в лучшем случае на стул, а в основном на пол. Татьяна успела сбросить покрывало с большой железной кровати с двумя пышными перинами, уложенными друг на друга и таким же толстым одеялом. Кровать эта досталась им от родителей Сергея вместе с квартирой. И скоро они уже барахтались в уютной, пока еще прохладной, не успевшей согреться от их тел, пещере из перин и одеял. Любили они друг друга жадно и громко. Целовались до удушья. Сергей больше сдерживался, а Танюша визжала, охала и ахала, казалось на весь дом. Сетка кровати, чудное изобретение тех времен, раскачивала их, как лодочку раскачивают волны моря.

– Танюша, чаю хочу, – Сергей лежал на спине, раскинув руки, и ещё тяжело дышал. Они давно привыкли к тому, что он в перерывах между страстями просил пить. И, случалось, выпивал две, три кружки воды. А теперь вот захотел чаю. Танюша, прижатая к стенке, начала медленно, игриво строя глазки, перебираться через него. Задержалась, прижавшись горячим, влажным телом, а когда Сергей замычал и прикрыв глаза, обнял её, быстро выскользнула и спрыгнула на пол.

– Ми-илый. Что-нибудь одно. Я сейчас быренько чайник поставлю. Потерпишь? Или водички дать?

Она у него всегда, почему-то вместо «быстренько» «быренько» говорила. А у Сергея от этой мелочи волна нежности нахлынула.

– Нет, чаю хочу. И в кружку клюквы раздави.

Облокотился на согнутую в локте руку и залюбовался женой. В комнате прохладно, мягко говоря, а Танюшка, как выскочила из-под одеяла голой, так и шлёпала по толстым рукодельным половикам между закутком кухни и посудным шкафом в другой комнате. Рождение детей не испортило ей фигуру, скорее сделало её классически женственной. Круче изогнуло плавные линии девичьих бедер, округлило живот и, утяжелив груди, образовало складочки под их нижними основаниями. Теперь они слегка колыхались при ходьбе.

Зачем они стараются на высокие каблуки стать, почему-то подумалось Сергею. Всё-таки красиво женщина на плоской стопе смотрится. Где-то он уже это видел. В альбомах по искусству, по-видимому, у Татьяны в магазине. Да, там фотографии произведений какого-то французского скульптора были. Фамилию, конечно, он не помнит. Но, вот глядя на свою жену, он эти скульптуры вспомнил.

– Тань, ты это, задернула бы занавески, что ли. А то ты с улицы, как в кино на экране.

– Ну, вопервых, они почти задернуты, а во вторых..., – Таня подняла вверх руки и сделала несколько движений бедрами, – что? Не на что посмотреть, что ли? Жалко, да? И вообще, что-то я раньше за тобой этого не замечала, – она остановилась в дверях комнаты. – Ты такой ревнивый стал, Отелло, да?

– А что в этом плохого? Скажи, зачем мне это надо? Чтобы каждый на тебя глазел. Что, я нашего брата мужика не знаю, что ли? Они ведь просто так, как на красоту, на женскую фигуру посмотреть не могут. Тань, ты это, смотри, таких правильных парней, как я, раз два и обчелся, – уже со смехом, – ты поняла об чем я?

– Господи, – кто же тебя поймет, как не я? Таких как ты и считать не надо, один ты у меня такой. Пей, это кипяченая вода с клюквой. А чайник пока согреется, ты пересохнешь. И пусти под одеяло, я замерзла. Ой, как у тебя тепло под одеялом, какой ты горячий! Слушай, Сергуня, ну почему тело так устроено? Я бы сейчас каждой клеточкой его хотела к тебе прижаться, а не могу. Вон, сколько в стороны торчит, – она похлопала по торчащим в стороны местам.

– Ага, а у меня руки какие-то короткие. Я бы хотел тебя всю сразу обнять, и особенно вот эти самые торчащие места.

Под одеялом вновь завязалась шутливая борьба с повизгиванием и смехом, постепенно перешедшая в охи и вздохи. Через некоторое время Таня, прижавшись к засопевшему сонно Сергею, зашептала ему на ухо:

– Сергуня, за детьми идти надо. Ты не представляешь, наверно, сколько сейчас время. А я ведь отпрашивалась с работы с возвратом. Вот завтра разговоров будет. Вставать будем, или как?

– Лучше конечно «или как». Но, Танюш, я ведь после вахты. Дай соснуть часок, а?

– Так. Ладно. Женская наша доля. Лежи, спи. Я сбегая за детьми, потом кормить вас буду. А ты, как встанешь, натаскай воды. И одно ведро греть поставь. Я сегодня буду детей купать.

Сергей промычал что-то утвердительное, а Таня, быстро одевшись, хлопнула дверью. Какая там вода!? Какие ведра!? Проснулся он от детского визга. У кровати, не до конца раздевшись от множества теплых одежек, стояли его чада и визжали, готовые одетыми броситься к нему в кровать. Сдерживала их, пытаясь раздеть, Татьяна.

Вот оно, моё счастье. И Сергей спустил ноги с кровати и раскинул руки. Обнять хотелось всех сразу.

Глава седьмая. Этот день пришёл

Уборщица тётя Люба подтолкнула в спину последнего выходящего покупателя, загремела засовом, закрывающим магазин изнутри и громко, на весь торговый зал заявила:

– Девки, обедать! Чайник закипел, – и, громыхнув ведром с водой об пол, поторопила, – быстро, быстро, мне убираться надо. И кипятку мне оставьте. Вчера вон весь вылакали.

Тамара собрала с прилавка лежащие пластинки и разложила их по полкам. Потом заглянула в маленькое зеркальце, поправила волосы и задумалась. Сейчас она пойдет в комнатку при складе магазина, служившую продавщицам комнатой отдыха. Здесь они переодеваются, здесь оставляют свои личные вещи, здесь же и обедают в обеденный перерыв. А идти никуда не хотелось. Накатило неизвестно откуда появившееся дурное настроение. И кушать расхотелось.

Сегодня их двое – продавщиц. Третья – Татьяна умчалась домой с пришедшим с морей мужем, и ждать, что она сегодня вернется, не стоит. Я бы, наверно, тоже не вернулась, подумала Тамара. Только вот героем в этой промелькнувшей в голове картинке «не вернулась бы» был не Игорь. Кто-то другой, расплывчато-романтичный в покрытом иномехом меховом капюшоне и с заиндевелой, аккуратно подстриженной полоской черных усов над губой. С голубыми-голубыми глазами. Она даже не может сказать, кто это и где она его видела.

И совсем уже отвлеченно подумалось, что Татьянин муж пришел с моря вместе с Вилей на «Муроме». Виля вспомнился молоденьким курсантом, в бескозырочке с белым чехлом и сигаретой на губах. Постоял по ту сторону прилавка, улыбаясь, и растаял. Вместе с Вилей в памяти колыхнулись над головой белые кудри цветущей акации, да так, что долетел оттуда с юга дурманивший её запах, под ногами качнулись горячие тротуары родного Ростова. Загремел, заскрежетал на повороте за углом трамвай. На глаза набежала пелена. «Этого мне еще не хватало. У меня все прекрасно» одернула себя Тамара. Промокнула аккуратно платочком, чтобы не размазать тушь, глаза.

Обедать к ним в комнату придут из своего кабинета ещё и товаровед с бухгалтером. Обе пожилые женщины, с которыми Тамара пока ещё близко не сошлась. Здоровается, поддерживает разговор, если они его затеют, а сама ни с кем первая не заговаривает. Она ничего не может плохого о них сказать, относятся к ней все хорошо. Даже очень хорошо. Все понимают – девчонка приехала издалека, трудно ей. Другие люди, другие привычки, даже погода другая. Все же знают, что она вышла замуж за моряка, так что её проблемы им всем близки и понятны. Да, это первое, на что обратила внимание Тамара, в Мурманске – люди здесь душевные.

Зашла Тамара к девочкам уже в конце обеда, глотнула холодного чая, пожевала взятый из дома бутерброд. Девчата «мыли косточки» ушедшей домой Татьяне. Шутили, откровенно обсуждали вероятные подробности её общения с мужем Серёгой дома, пока там детей нет. Обсудили достоинства Серёги. Тамара улынулась для приличия и направилась за прилавок.

– Том, ты чё? Завидки берут? Чё надулась? Уж тебе ли обижаться, муж у самой молодой, красивый, – крикнула ей вслед бухгалтер, Вера Петровна.

– Да разве же я завидую? Я рада за неё, – ответила Тамара.

Вторая половина дня тянулась дольше обычного. Наконец среди покупателей мелькнуло лицо Игоря. Он стоял, прислонившись к стенду с новыми пластинками, и смотрел на Тамару. Перед ним проходили покупатели, его закрывали или наоборот пространство между ними полностью освобождалось, но Игорь не менял позы. Сколько же он здесь стоит? Тамара не знала. Это что же получается? Она давно под наблюдением мужа, а ничего не знает? Она даже поёжилась. Кивнула ему, мол, подошел бы, что ли. Он никогда так не делал. Всегда, как придет, сразу подходил.

Подошел. Тамара не может о себе сказать, что она наблюдательный человек. Не знает она за собой этого. Не задумывалась. А тут заметила. На дворе снег, а на Игоре не снежинки, снег давно растаял на одежде. Значит давно стоит.

– Игорёша, ты почему не подходил? Что-то случилось?

– А что могло случиться?

– Ты рано пришел. Придется подождать. У нас сегодня Татьяны нет, я немного задержусь, пока все сдадим, закроем.

– А почему Татьяны нет?

Тамара вышла из-за прилавка, обняла Игоря за шею и почти шепотом сказала:

– Муж у неё с моря пришел. Представляешь? Пришел за ней, забрал и увел домой. Счастливые, правда?

– Счастливее меня никого нет, понятно? У меня есть ты.

Игорь говорил такие чудесные слова, но почему-то не обнял её и даже руки из карманов не вытащил. И говорил серьёзно, как будто убеждал её.

– Игорёша, я это знаю. И ты у меня есть... Ладно, иди, жди.

И Тамара убежала за прилавок. Скоро магазин закрыли, и они вышли на улицу. Шли по заснеженным улицам, Тамара держала Игоря под руку, прижимаясь и изредка кладя голову на его плечо. Они всегда шли домой пешком, не пользовались общественным транспортом, потому, что квартиру они снимали почти в центре города. Снег перестал сыпать, облака ушли за сопки и над головой горожан заколыхались полотна северного сияния.

– Боже мой, Игорёша, посмотри, как красиво!

Игорь глянул вверх, и недовольно забурчал:

– Может ты, всё-таки, под ноги будешь смотреть? Я тебя не удержу, вон скользота какая!

– Игорь! Я первый раз это вижу. Давай остановимся.

Игорь остановился, взял её за руки и помолчав, как будто дав ей насмотреться на красоту, покрывшую пол неба, спросил:

– А на каком пароходе пришел муж, этой самой Татьяны?

Тамара замерла. Получается, что она ждала этого вопроса. Получается – ждала. Это она сама себе признала. Так, или иначе, но Игорь должен был начать этот разговор. Об этом. Они затянули начало этого разговора до прихода парохода. До прихода БМРТ «Муром». Вот, он пришел.

– Игорь, её муж пришел на «Муроме».

– И что ты будешь делать?

– Я?

– Да, ты.

– Почему... ты... меня... об этом... спрашиваешь? – Тамара тряхнула его за рукав, – я вышла замуж за мужчину. Забыл? Я между мальчиком и женщиной выбрала мужчину. Так?

Игорь молча стоял перед ней, и даже в тусклом свете фонарей видно было, как он побледнел. Тамара увидела, что Игорь не в состоянии ничего ей сказать. Ничего, кроме растерянности и смущения на лице у него не было.

– Игорь, ты что? Ты что, испугался, что вернулся Виля? Ты мне не веришь?

– Том, ну что ты говоришь? Кого я испугался? Не родился ещё тот человек, который меня напугает.

– Я не о том. Ты... мне... не веришь?

– Том, я действительно боюсь. Боюсь тебя потерять.

Она взяла его за руки и после паузы как могла спокойно сказала:

– Послушай меня внимательно. В свое время Виля сделал свой выбор. Он ушел в море, ничего мне не сказав. Так мужчины не поступают. А ко мне приехал настоящий мужчина, чудесный мужчина, самый лучший мужчина и позвал меня за собой. И я, не задумываясь,

пошла за ним. Потому, что я за тобой, как за стеной, Игорёша. Я люблю тебя. И нам не о чем больше думать. Кто там пришел с морей, кто уходит – это не наше дело. Понял?

Тамара прижалась к Игорю, зарывшись лицом ему в шарф на груди, он обнял её, и они долго стояли посреди тротуара, загораживая узкую натопанную тропку. Их обходили, шутили, бурчали недовольно, но никто не посмел толкнуть.

Глава восьмая. Карьерный рост

Помчалось, полетело время стоянки в порту для экипажа «Мурома». Первый, может чем-то второй день запомнится, а так... помчались дни, мелькая радостными и не очень, разными событиями. И в море, оглянувшись назад, увидит моряк эту стоянку – как один день. «Помнишь, осенью стоянка у нас была..., кажется в тысяча девятьсот каком-то году, ну, тогда еще...», и вспомнится какойнибудь не такой уж и замечательный случай. Праздник прихода в порт прошел, начались будни.

То, что стоянка будет не долгой, уже не для кого секретом не было. Команда в основном сохранилась. Всего несколько человек списались на берег. Притом, что стоянка короткая, все же Новый год команда должна была встретить на берегу, с семьей. А это для моряков много значит. Праздник дома, с семьей – вдвойне праздник. А после Нового года, там и в море пора. Пора деньги зарабатывать. Вон, на Медвежьей банке, по слухам, рыбалка вовсю идет.

И команда готовилась к рейсу. Получали промвооружения, продукты, воду, топливо. Работа не прекращалась круглосуточно, и команда не покидала борт, порой даже на ночь оставались все, кто нужен, кроме вахты. Моряки шутили, мол, мы как за границей, мало того, что увольнительную надо брать, скоро к жене группой с руководителем группы ходить будем. Вот только чем руководить этот руководитель будет, надо уточнить. Конечно, не так уж все и строго было, но работали напряженно. Команде обещали на новогодние праздники всем по трое суток отгулов дать. Вот это дело.

Однако у Виктора и Сергея эта стоянка не прошла незамеченной. В один из дней, утром, на смене вахт их обоих вызвал к себе капитан-директор. Виктор уже шел к нему в каюту, доложить о прошедшей суточной вахте, и столкнулся с входящим с траловой палубы одетым Сергеем, видно только что поднявшимся на борт.

– Ты слышал? – не поздоровавшись с другом, спросил Виктор, – кэп вызывает. Сейчас пошлет куданибудь.

– Привет, во-первых, – третий снял перчатку и пожал Виктору руку. Не бойсь, братуха, никуда нас не пошлют, у нас своих дел достаточно. Уж у меня точно. погоди, я переоденусь и вместе пойдем.

Виктору не пришлось долго ждать. Сергей все делал по-военному быстро и аккуратно. Вышел он подтянутый, причесанный, в застегнутой на все пуговицы куртке с погонами.

– Серёга! Мне с тобой рядом неудобно идти. Я как шарамыга-матрос рядом с командиром.

– Так оно и есть, – похлопал по плечу идущего впереди Виктора Сергей, – а кто тебе мешает следить за собой? Ты что, за рейс капусты не получил? Пошей себе форму. Перед девками выглядеть орлом надо. Как там Тамара? Дозвонился? А то у меня кое-какие сведения есть, – и Сергей неосмотрительно хмыкнул. Скажи он это серьезно...

– Какие сведения? – Виктор оглянулся.

– Как какие? – Сергей не понимал, что шутя, он попадал в «яблочко», – по данным разведки, Тамара в Мурманске. И не просто так...

Он не успел договорить, как Виктор развернулся и схватил его за воротник куртки вместе с галстуком. Лицо у Виктора побелело и пальцы сдавили ворот так, что суставы хрустнули. Сергей понял, что своими словами он, невольно, затронул что-то болезненное для Виктора. Что-то за пределами шутки.

– Ты... ты чего? Витя, отцепись? Брось куртку, не мни, сейчас к капитану ходим, потом разберёмся. Я тоже... могу до рожи твоей добраться. Тоже мне ...псих.

Несколько секунд хватило Виктору, чтобы прийти в себя. Он отпустил ворот приятеля и, отвернувшись от него, пошел вперед. Сергей, оправляя форму, догнал его уже у каюты капитана. Постучали и вошли.

Разговор, несмотря на серьёзность вопроса, был не долгим. «Мужики», объяснил им капитан, «в силу сложившихся обстоятельств, и моего к вам хорошего отношения, принято решение». Услышав «решение», молодые штурмана присели, где стояли. Оказалось, что второй штурман, уехавший на родину к больной матери, запросил отпуск и к отходу не вернется. Замену, что предлагают капитану в кадрах, он, капитан, напрочь отмел. Вот и принял решение. И Сергей, и Виктор продвигаются неожиданно по служебной лестнице вверх. Сергей становится вторым помощником капитана, а Виктор, соответственно, третьим. Четвертого они до отхода найдут. В крайнем случае, есть, мол, на примете у старпома третий штурман с СРТ, стоящего не ремонте, с которым тот ходил не один рейс. Не молодой, но надежный.

– Ничего я вам особенного говорить не собираюсь, наговоримся в рейсе, – заявил капитан, – формальности выполните в кадрах, а сейчас марш по своим местам и исполняйте соответствующие обязанности. А обязанности третьего помощника ты, Сергей Михалыч, как другу должен аккуратно передать своему коллеге. Понял? Аккуратно, чтобы не навредить делу. Ты у меня за все дела третьего продолжаешь отвечать наравне с Виктором, пока в море не уйдем. А уж там у меня с него спрос будет. Ну, а обязанности второго штурмана теперь твои, и помогать в них тебе старпом будет. Вот так я вам, орлы, сбалансировал радость с ответственностью.

И орлы вылетели из каюты капитана. Радость у обоих, хоть и сбалансированная, но была такая большая и неожиданная, что скрыть её было трудно обоим. И если Виктор, который в самом смелом сне не мог представить себе, что в следующий рейс он уйдет уже третьим помощником капитана, шел просто ошарашенный и глупо улыбался, то Сергей не скрывал своих чувств. Он ждал повышения, он жаждал его. Он знал, что давно может занимать должность второго помощника. И только сознание того, что «Муром» хороший промысловик с сильным капитаном, и с такого парохода уходить даже на лучшую должность не всегда выгодно, удерживало его. Он давно сдал переаттестацию на повышение, сообщил об этом капитану и ждал. Ждал своего времени, знал, что оно непременно придет. И сейчас он, выйдя из каюты, еще не до конца закрыв дверь, захлопал себя по груди и по коленам, изображая русскую «присядку». Виктор обошел его, молча улыбаясь, прислонился к переборке и заявил:

– Серега, сейчас все брошу и поеду в город заказывать себе форму.

– Что-о? Куда ты пойдешь? Ты хоть услышал, что тебе батька сказал? Ты третий помощник капитана. Это у четвертого никаких своих дел нет, что старпом скажет – то и делай. А у тебя теперь воз и маленькая тележка своих дел и обязанностей. Всё! До отхода ты поступаешь в моё полное подчинение.

– Это с какой стати? Серега, может ты попутал, тебе надо было в армию идти. Вот бы ты там накомандовался! Чего это я тебе буду подчиняться? Я подчиняюсь только капитану, понял?

– Ладно, не подчиняйся. Слушай только меня внимательно. Дела я тебе сдавать буду. Неужели не понятно?

Они уже спускались на свою палубу. Серёга так же пританцовывал, отбивая чечетку. Виктор шел сзади, улыбался, глядя куда-то поверх головы Сергея.

– Слушай! Так я теперь перехожу в каюту второго помощника? Так ведь? А ты в мою. Пошли новосельем заниматься.

– Сергей, это на тебя не похоже. Ты как пацан себя ведешь. Успокойся. Вахту тебе все равно у меня принимать, не зависимо, в какой каюте.

Конечно, что бы ни делали в этот день друзья, какие судовые заботы не падали бы на их плечи в этот день, они ни на секунду не забывали, что произошло утром. Весть об их повышении в должности естественным образом распространилась по судну. Их поздравляли. Каждый

по своему. Кто серьёзно, пожелав успехов и дальнейшего роста до капитана, кто в шутку отдавал честь, говоря какую-нибудь не обидную ерунду.

Только во второй половине дня, столкнувшись в каюте третьего, они вдруг вспомнили утреннюю перепалку. И Виктор, стоя в дверях, руки в карманах, сделав равнодушное лицо, спросил:

– Серёга, а что у тебя там за сведения вдруг оказались? Что ты этим хотел мне сказать?

– Какие сведения? – попытался сделать вид, что не понимает, Сергей, – ты о чем?

– Да брось прикидываться, ты отлично понимаешь, о чем я. Что у тебя за сведения о Тамаре?

– А почему ты решил, что я говорю о твоей Тамаре? Я, между прочим, шутил.

– Ничего себе шутки. Какая там ещё разведка выяснила, что она в Мурманске? И что она замуж вышла.

– Как, замуж вышла? – сел на диванчик с открытым ртом Сергей, – за кого? Ты хочешь сказать, что это я сказал?

– А ты хочешь сказать, что ничего не знаешь?

– Вот дела! Витя, ты что говоришь? Твоя Тамара здесь в Мурманске за кого-то, а не за тебя замуж вышла? Да я-то, откуда это могу знать? Шутил я, Витя. У моей жены на работе какая-то молоденькая ростовчанка замужем за местным. И, кажется, тоже Тамарой зовут. Вот я и пошутил.

– Пошутил он, – буркнул Виктор.

Один сидел растерянный на диванчике, не понимая как все, о чем идет речь, могло произойти, другой, молча, стоял в дверях, жалея, что затеял этот разговор. Помолчал и ушел.

Друзья уже начали переносить вещи в новые каюты обитания, и на столе лежала сверху фотография Тамары. Сергей взял её в руки и долго рассматривал.

– Действительно, красивая, – вслух сказал, – неужели так бывает? Куда же он смотрел?

Работа снова захватила их, и они, уже встречаясь, не затрагивали эту тему. Как будто ничего и не было.

К концу рабочего дня Виктор засобиравшись в город. Он сидел в куртке в новой каюте и рассматривал злосчастную фотографию. В какой-то момент он даже подошел к иллюминатору. Видно хотел открыть и выбросить за борт. Потом передумал и небрежно швырнул её в рундук под кроватью. Сгрёб со стола ключи, перчатки и шагнул к двери. Судовое время было семнадцать часов сорок пять минут. В город уходил третий помощник капитана БМРТ «Муром» Виктор Мороз.

Глава девятая. Домашние хлопоты

За ручку двери он взяться не успел, в дверь постучали. В таких случаях говорят – сердце ёкнуло. Не знаю, что там у него ёкнуло, но он, почему-то остановился в нерешительности у дверей и сказал «да». Дверь приоткрылась, заглянул матрос и, поигрывая бровями, сообщил «к вам тут женщина» и, не выдержав, добавил «краси-и-вая». И захлопнул дверь. Виктор остался стоять перед дверью, как вкопанный. Растерялся. А дверь приоткрылась, теперь уже шире, и в дверях Варя стоит.

– Ну, здравствуй, обманщик!

Действительно красивая, шубка и шапка снежком запорошены, на ресницах и бровях мелкие капельки растаявшего снега блестят. Сапожки на ней какие-то чудные, высокие, расшитые узором. Окончательно растерялся Виктор. И приход Варин неожиданный, и красота её диковинная. И вопрос какой-то не понятный.

– Кто обманщик? Я? Кого я обманывал? – а сам стоит столбом.

Что стоишь? Пригласи девушку войти, помоги раздеться, усади. Ну?

– Войти можно? – и перешагнула порог, – а почему я искала Виктора, четвертого помощника капитана, а ты оказывается третий?

– Варя! Слушай, как я рад! Как ты меня нашла? Как тебя пропустили?

А Варя по-хозяйски захлопнула дверь перед носом любопытного матроса и начала расстегивать полушубок. Сбросила на диван шапку и шарф. Наконец то, Виктор бросился ей помогать. А она ему куртку расстегивает. Обнимались и целовались так, как целуются влюбленные после долгой разлуки. А как она целовалась! От её долгих поцелуев кружилась голова, и не хотелось прерывать эту пьянящую близость женщины, с её откровенностью и нежностью. С ней терялось ощущение времени.

Они так и стояли, обнявшись, когда в дверь снова постучали. И тут же дверь приоткрылась. На этот раз голову просунул Сергей. Он даже не пытался скрывать любопытства на лице. И даже не извинился, а понес какую-то чепуху:

– Мне доложили, что на борт проникла неизвестная женщина, – то ли в шутку, то ли всерьёз заявил, – и что возмутительно – красивая! И знаете, почему возмутительно? Потому, что красивая женщина должна сначала отметиться у вахтенного штурмана. Так и в уставе флота сказано, – продолжал «валять дурака» Сергей.

Он уже вошел в каюту, закрыл за собой дверь и ждал, что его юмор оценят. А Витя с очаровательной незнакомкой, почему-то, не спешили реагировать на его юмор и продолжали обниматься. Повисла неловкая пауза.

– Здравствуйте, Тамара, – наконец нашелся Сергей, – а я уже много чего от вашего кавалера о вас наслушался. Разных невероятных историй!

Парочка продолжала смотреть на Сергея без видимого удовольствия. Что тут поделаешь? Надо искать выход. И в прямом и в переносном смысле. Чтобы скрыть неловкость, попытался продолжать хохмить, нащупывая ручку двери.

– Ну, что же, молодые люди, не смею вам мешать. Но как нацелуетесь, и если выпадет свободная минута, загляните к вахтенному штурману... для соблюдения формальностей...

– Я не Тамара.

– Да? – открыл рот Сергей, уже выходя из каюты.

Но остановиться не посмел, и только успел в закрывающуюся дверь сказать:

– То-то я смотрю, на Тамару вы мало..., – и дверь захлопнулась.

Виктор уже приступил к расстегиванию мелких пуговичек, потом кинулся к двери, чтобы замкнуть её. Варя его остановила.

– Витя. Меня как-то не вдохновляет звукоизоляция твоей каюты. У вас стены и двери из чего сделаны? Давай не здесь, – она шептала ему в губы.

– Варь, да это мелочи, – попытался продолжить натиск Виктор.

– Вить, а ну-ка сядь, поговорим. Отвлекись.

Сели рядышком на диван. Виктор уткнулся носом в её волосы. Запах её духов кружил ему голову.

– Ты почему не отвечаешь мне, что за чехарда у тебя с должностями? Ты какой штурман?

– Варя! Ты меня можешь поздравить, с сегодняшнего дня я третий помощник капитана.

– Серьёзно? Тебя повысили?

Варя отстранилась от него, на лице её была такая искренняя радость, что Виктор не выдержал, и обнял её.

– А ты что, думаешь, что я шучу? Так. Все. Одевайся, пошли в город. Сейчас засядем в «Арктике» и отметим моё назначение.

Виктор начал одеваться. Варя рассматривала каюту.

– Ты здесь живешь?

– Нет, я только перебрался сюда. Сегодня. В связи с новым назначением.

– Надо будет тебе здесь уют создать.

– Вот этого мне не надо. Здесь все будет так, как мне удобно. Как в прошлой каюте было.

– А мне хочется, чтобы в море тебе что-то напоминало обо мне.

– Подари мне фотографию. Я повешу её над столом. Или над койкой?

– Лучше над столом. Я подарю. Большую.

Виктор надел куртку, взял в руки шапку и перчатки и ждал Варю. Варя одевалась медленнее, с иронией разглядывая Виктора.

– Ты чего улыбаешься?

– Ты в этом свитере собираешься со мной в ресторан идти?

– А что?

– Витя, – положила ему на грудь руки, – я не девочка, мы с тобой об этом уже говорили, меня в городе знают. Какой бы ты не был хороший и красивый, но... не надо мне репутацию портить. Понимаешь? Не обижаешься?

– Какую репутацию? Конечно, обижаюсь.

Виктор опустился на стул. Помолчали. Варя села к нему на колени, обняла и несколько раз тихо поцеловала. Гладила ему волосы, проводила пальцами по губам, откровенно любовалась им.

– Родной, давай сделаем так. Едем в город и делаем все, что я буду говорить, – она сделала ударение на «я», – а в следующий раз весь день будешь командовать ты. Идет?

– А зачем мы тогда едем в город? Если я тебе не соответствую?

– Ох, какое ты гадкое слово придумал. Ну, кто тут кому не соответствует? Прекрати. Мы с тобой не просто соответствуем друг другу, как ты изволил выразиться, мы с тобой друг для друга созданы.

– Варь, послушай, ты мне очень нравишься..., и все такое..., но..., не надо со мной так. Я с детства не люблю, чтобы мной руководили.

– Витя, никто, ни кем не руководит. Мы с тобой всегда будем искать варианты, которые бы и тебя, и меня устраивали. Согласен?

– Против этого не поспоришь, но...

Они бы еще долго выясняли отношения, если бы Виктор не заговорил случайно о том, что ему надо пошить форму. В гражданском флоте комсостав начинал носить новую форму, в которой галуны, которые раньше носили на рукавах, теперь перешли на погоны. Выяснилось, что Виктор хочет пошить себе такую форму, а Варя эта идея не просто нравится, она от неё в восторге. А в городе у неё есть хороший знакомый, и что замечательно – портной. И не просто

портной, а специализирующийся на пошиве форм для командного состава моряков. Всё, все споры закончились и через пару минут они выходили из каюты.

– Я пойду к вахтенному зайду, – буркнул Виктор.

– Я с тобой. Мне кажется, он хотел меня видеть.

– Варь, да он шутил.

– Зато я не шучу, хочу познакомиться с твоими коллегами. Молодыми, – она игриво стрельнула в Виктора глазами.

Витя сделал равнодушное лицо и сказал «пошли». Постучали в каюту Сергея, и Виктор открыл дверь. Сергей сидел за заваленным папками и бумагами столом. Он поднял голову, махнул рукой, мол, заходи. А когда вошли двое, развернулся на стуле и расплылся в улыбке.

– Ну, давай, Витя, рассказывай, кто, откуда, почему? А то у меня голова кругом от твоих ро-ман-ти-чес-ких подвигов.

– Ты о чем, Серега?

– Как о чем? Откуда такая красавица? Я ведь думал, что в Мурманске одна только красавица.

– Это, конечно, ваша жена? – поинтересовалась Варя.

– Разумеется, – самодовольно подтвердил Серега, – а вы, видимо, приезжая?

– Нет, миленький, вот я, как раз, местная. Мои корни так глубоко в этой земле сидят, что не вырвешь.

– Знаем, знаем – лопари, саами...

– Боюсь, что не знаете. Заглядывать придется глубже. А в школах вас этому не учили.

– Интере-е-сно. Кого это – вас? Витя, а я и не знал, что у тебя в профессорских кругах знакомые есть. Ты не говорил. Хотя..., вы знаете..., я вас уже где-то видел.

Сергей сделал сосредоточенное лицо, изобразил напряженную работу мысли. Виктор наблюдал за перепалкой без особого интереса. Он оглядывал каюту, замечая, какие изменения внес с приходом Сергей. Над столом появилась картина, на которой разрезала изумрудную волну шхуна с розовыми парусами. Под картиной в простой, самодельной рамке улыбалась Серегина жена Татьяна с двумя малышами. А Сергей вдруг заявил, что у него много проблем с грузом и он не может уделить им много времени. Несмотря на очень интересную беседу. Собеседница потянула Виктора к двери.

– Пошли, Витя. Я с сожалением замечаю, что во флоте разучились не только в присутствии дамы вставать, но даже не предлагают ей сесть. Что, этого нет в вашем флотском уставе?

Сергей даже подскочил со стула.

– Действительно. Что это я? Извините меня, – он протянул к Варе руки, – присаживайтесь, – погрозил ей пальцем, – ух, какая злопамятная. Витя! А ты тоже, друг называется. Мог бы познакомить, как вошли. Вот я и растерялся.

– Нет, нет, нам тоже некогда. Пусть растерянные своими важными делами занимаются, а у нас свои... домашние хлопоты. Они такие, им конца нет. Правда, Витя? – направилась к двери Варя.

У Серёги глаза на лоб полезли: «Какие, домашние? У кого домашние?» Но гости ушли, и Сергей так и не познакомился с Варей. И вообще не понял, кто она такая.

А Виктор, когда уходили с парохода, сначала ворчал, что они, мол, друг друга стоят, характеры у обоих вредные. Потом очень быстро оба забыли, что было на борту и уже через полчаса обсуждали, какой форменный костюм закажут Виктору, какого цвета куртку, и что потом будут делать. Длинный, зимний вечер был у них впереди. Полярная ночь была их союзницей. Пока поднимались в город, несколько раз останавливались. Целовались.

На троллейбусе доехали почти к самому дому, где жил Варин знакомый портной. Знакомый, Григорий Моисеевич, был предельно вежлив с гостями. Его жена быстро организовала чай. И за столом начался приятный разговор.

– Варвара Сергеевна, вы, вижу, взяли шефство над молодым командным составом нашего флота, – ласково улыбался Григорий Моисеевич.

– Ах, какой вы проницательный, Жорж. А, кстати, я вам вчера пакетик передавала, вы получили? – лукаво улыбаясь, спрашивала Варя.

– Да, да, Варвара Сергеевна, все в порядке, сейчас Сима отдаст вам денежки.

– Нет, Жорж, не спешите, мы к вам пришли ведь с заказом? Давайте его обсудим, а тогда и вопрос с денежками утрясем. Согласны?

– Варва-ара Сергеевна! Какие могут быть разговоры?! Никаких таких разговоров!

Виктор толкнул колено Вари и, наклонившись, шепотом напомнил, что он платит сам. Варя плечами и глазами дала ему понять, что все будет хорошо. И Виктор успокоился. Получил он за рейс хорошие деньги, и, если правильно ими распорядиться, то можно себе позволить приодеться.

Чаепитие длилось не долго, приступили к обсуждению заказа. Григорий Моисеевич рассказал обо всех последних веяниях моды на форменную одежду в гражданском флоте. Был выбран самый практичный и популярный во флоте вариант. Материал отбирался пусть не самый дорогой, но качественный. Шить решили два комплекта: пиджачный с галунами на рукавах, и куртку с погонами. Но при этом одни брюки. Даже рубашку и галстук Григорий Моисеевич пообещал подыскать сам, поскольку в магазинах, как он заявил, они ничего приличного не найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.